

INSPIRIA

**МОНС
КАЛЛЕНТОФТ**
**СМОТРИ,
Я ПАДАЮ**

Пропавшая дочь, отец, который
покаялся не прекращать поиски,
и напряженная погоня на фоне
мрачной изнанки сияющего
курортного мира

 INSPIRIA

Ток. Нордический характер: скандинавский нуар

Монс Каллентофт

Смотри, я падаю

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Каллентофт М.

Смотри, я падаю / М. Каллентофт — «Эксмо», 2019 — (Ток. Нордический характер: скандинавский нуар)

ISBN 978-5-04-115371-7

«Смотри, я падаю» — это триллер нового уровня, шедевр, который парализует всех поклонников жанра и открывает новые стороны художественной литературы. Монс Каллентофт мастерски выворачивает наизнанку души главных героев, а вместе с ними и души читателей, создавая историю, которой невозможно найти аналог. Пропавшая дочь, отец, который поклялся не прекращать поисков, и напряженная погоня на фоне мрачной изнанки сияющего курортного мира. Стокгольм, 2015 год. Тим Бланк отвез 16-летнюю дочь Эмму в аэропорт – она проведет каникулы на острове Майорка, который славится своими вечеринками. Эмма так и не вернулась. Исчезла, выйдя ранним утром из клуба и растворившись в ночи. Три года спустя Тим, оставив работу в стокгольмской полиции, едет на Майорку, чтобы возобновить расследование, прекращенное за недостатком улик. Богатый немец нанимает его, чтобы следить за своей неверной женой. Когда ее любовника убивают, а сама жена бесследно исчезает, немец просит Тима выяснить, кто за этим стоит. В поисках правды Тим погружается в развращенный мир европейской элиты, приподнимая завесу над переплетением политических интриг и неожиданно находит подтверждение того, что его дочь жива. Круг сжимается, и у него остается все меньше времени, чтобы найти дочь и спасти собственную жизнь. Куда бежать – и кому можно верить? Напряженные сцены преследования, удивительная психологическая глубина и стиль, который дышит страстью: эта книга – редкий шедевр.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-115371-7

© Калленгофт М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Монс Каллентофт

Смотри, я падаю

Beauty is the mystery of life¹.

Агнес Мартин

Сообщение пришло в тот момент, когда он собирался выйти из квартиры, чтобы купить лезвия для бритвы.

Он закрывает за собой дверь, останавливается на площадке и читает, слыша при этом, как Ребекка удаляется легкими шагами.

Ватсап.

Эмма, в Сети.

«никаких снимков прыжков с балкона отеля в бассейн пап пап обещаю»

На селфи она улыбается в камеру. Позирует у металлических перил балкона гостиницы. Одетая в белый топик, видны обожженные солнцем плечи и грудь, светлые круги вокруг глаз от черных очков Ray Ban. Ее зеленые покрасневшие глаза блестят.

На заднем плане виден стол, на нем бутылка кока-колы лайт и стакан с кубиками льда, подточенными жарой. Водка, да и другие предметы, которые там должны были быть, убраны, но внизу фотографии можно разглядеть в пепельнице обгоревшую бумагу от сигарет-самокруток.

Сбоку тонкой темной линией виднеется Средиземное море, будто променявшее свою синеву на блеск розово-оранжевых оттенков.

Он увеличивает фото.

Бассейн под балконом. Из-за белого кафеля вода кажется ледяной. Желтый плавательный круг стоит на якоре в центре бассейна, а на бетонном краю спит молодой парень. Клановые татуировки кажутся намертво присосавшимися к его мощным плечам, как нечто чужеродное из фильмов про инопланетян. Рядом собака – майорский мастиф ка-де-бо – вылизывает нечто похожее на блевотину.

Снимок хорошо выстроен.

Он пишет ответ.

«Ха. Ха. Попробуй только. Всего хорошего».

Она отвечает.

«U watch me dad. me do da jump»².

Следующая за этим картинка – бесконечные краски, размазанные движением, будто тот, кто держит телефон, барахтается в воздухе.

Эмма, заходила в последний раз в 20:37.

¹ Красота – великая загадка жизни (пер. с англ.).

² Смотри, папа. я прыгаю (пер. с англ.).

I

Магалуф, пятое августа 2018

Жил-был пляж, и он существует и по сей день.

Тим Бланк медленно бредет сквозь средиземноморскую ночь.

Волны окрашивают прибой серым цветом. Световые дорожки от подсветки карусели ночного клуба «Тиволи» попадают даже сюда, в самый низ, и на несколько секунд освещают пару, занимающуюся сексом на песке, их тела в зелено-синем свете. Потом они снова исчезают, в темноту, к своим мышцам и лону, к одурманенным наркотой мозгам, к тому мгновению, которое принадлежит только им, а лучи подсветки выхватывают горы, которые на миг становятся видны вдалеке.

Виден свет в комнатах отеля, а развешенные для просушки на балконах полотенца кажутся флагами независимости и суверенитета.

Тим неторопливо шагает вдоль бульвара Стрип, наблюдая.

Они собираются группами здесь, над побережьем. Дети и взрослые в одном и том же виде, в бикини со звездами на сосках, в топиках с вырезами глубокими, как овраги в джунглях, в платьях, в шортах для серфинга до колен, в белых джинсах и рубашках, руки подняты вверх к потолку клуба, музыка в одном ритме, а они все в одном общем движении именно здесь, именно сейчас, с одним желанием напиться и уколоться, смеяться, орать и танцевать, уснуть на автобусных остановках и в переулках, все сразу.

Они здесь вместе. Они видят друг друга, их увидят, здесь они рождаются и перерождаются, вечная реинкарнация.

Кто-то же видел тебя, Эмма. Кто-нибудь должен был тебя видеть.

Поначалу, в первый год пропажи дочери, Том всегда носил с собой фотографию, многим ее показывал, раздавал снимки, и вскоре его везде стали узнавать и просить уйти, исчезнуть. Теперь все люди новые. Те, кто его узнает, не обращают на него внимания, а новые вообще его не замечают или сердятся и гонят отовсюду.

Все эти ночные клубы со стриптизом или без. City lights, Taboo, Pure lounge, Sorry mom tattoo, Chaplin, Bad Girlz, The Secret, Red lion, Crystal, Coco Bongo, Benny Hill и THE STRIP.

Женщины, раздвигающие ноги на подиумах, охранники в черных трико, голые спины с накачанными стероидными препаратами мышцами, хастлеры, продающие фальшивые часы Rolex. Кругом одни подделки, нигерийские проститутки, поджидающие в закоулках, группки с ножами в руках только и ждут, чтобы напасть и ограбить пьяных, забытых и брошенных, тех, кого ночь выплюнет, окончательно дожевав.

Полиция на все это только смотрит. Выжидает. Камеры наблюдают за всеми и всем, но записи могут исчезнуть, а камеры окажутся испорченными.

Тим сканирует подростков взглядом. Как будто Эмма может быть здесь, среди них.

Они хотят купаться ночью, чувствуя себя в безопасности под неоновым светом. Они плывут не в ту сторону, их слизывает то самое море, которое проглотило римский флот по пути домой из Карфагена в Первой Пунической войне.

Пей, кури марихуану, нюхай кокаин, колись.

Купи гашиш у какого-нибудь индийца. А вот хоть бы и у этого.

Завтра это сегодня. А сегодня на самом деле было вчера. Арабы торгуют кебабами, китайцы продают дешевые пляжные коврики, южноамериканцы занимаются уборкой, а румыны и болгары завинчивают что-то в мастерских. От вони мочи, засохшего алкоголя, све-

жего холодного пива, сладких коктейлей и сидра сгущается воздух, одуряют комары и мухи с их тягой к крови, струящейся в венах подростков и текущей по тротуарам после поножовщины.

Кто видел тебя, Эмма?

Узнаете эту девочку? Ты ее видел? Возьмите этот снимок, покажите своим друзьям, может, кто-нибудь...

Whatever, man³.

Часто Тим подумывал, что Магалуф августовской ночью становится свидетелем как конца света, так и сотворения мира, но в нем нет места для седьмого дня, дня отдыха.

У пляжа, который существует и по сей день, между морем и горами, строились дома, чтобы дать приют счастью и мечтам, чтобы нажиться на мечтах. И тогда все дозволено, пока это не вредит бизнесу. Но даже и в таком случае ни у кого не хватает сил сопротивляться, потому что обещание красивой жизни попадает в цель как у подрядчиков, так и у туристов. Ты в стране беззакония. Ты можешь быть здесь кем-то отличным от того, кто ты есть на самом деле.

Одним из счастливицков.

Одним из тех, кто пребывает в состоянии эйфории.

Обладателем того, чего жаждут больше всего. Вечной молодости и силы. Такая уж эта страна. Так будет, но вместо обещанного получилось то, что есть.

Кто-то хотел этой молодости от тебя, Эмма.

– На вкус похоже на наши сладости! Как шведские полосатые леденцы «Полькагрис»! Или рыбки, соски из желе. У вас есть что-нибудь, что по вкусу похоже на кислых рыбок?

– One more, girls, try the green gummibears this time. I make that shot myself. It's my favourite⁴.

Two for one⁵.

Shit⁶, до чего крепкое! Shit, я опьянела, shit, какая я пьяная, на пляж, хочу танцевать, воо как. «Give me a drag of that»⁷.

Тим видит их. Как они пытаются научиться владеть собой, друг другом. Со снятым с предохранителя оружием, с указательным пальцем на курке. Их укачивает на черно-серых волнах асфальта, неоновый свет блуждает по побережью, и огни подсветки вновь выхватывают нагие тела на песке. Песчинки растирают самые укромные места, завтра там появятся маленькие зудящие ранки, боевые шрамы для демонстрации во время позорного пути в отель и завтрака с водкой, прежде чем пора будет снова выйти на солнце, обжечь кожу и начать все сначала. Дубль пять, шесть, семь.

Потом самолет полетит в обратную сторону.

Но они вернутся в следующем году.

Так человек приближается к своей жизни, думает Тим, когда идет темными задворками обратно к машине. Сначала мы крадемся на цыпочках, потом бросаемся со всего разгона навстречу той любви, которая, как мы надеемся, прячется во времени. В нашей тоске по любви мы играем с мыслью, что она, эта любовь, действительно существует.

Мы слышим, как люди ходят за закрытыми дверями. Мы слышим тех, кого мы любим. Они движутся к нам, и мы отказываемся перестать мечтать. О любви, о свободе и о возрождении душ.

Магалуф.

Где все началось.

³ Не важно, парень (*пер. с англ.*).

⁴ Еще одна порция, девочки, попробуйте на этот раз моих зеленых мишек. Я сам их делаю. Это мой любимый коктейль (*пер. с англ.*).

⁵ Два по цене одного (*пер. с англ.*).

⁶ Черт (*пер. с англ.*).

⁷ Дай мне затынуться косячком (*пер. с англ.*).

Где царит опьянение, где может случиться все что угодно. Магалуф.
Все не могло закончиться здесь.

Ты еще оглянешься на свою жизнь, Эмма.

Тим видит, как красный свет вывески Benny Hill сливается с ночным небом и превращается в слабый узор, и он понимает, что, возможно, никогда не видел ничего прекраснее. Что там, где большинство видит уродство, есть красота.

То, чем мы все были когда-то. Вывеской на фоне неба.

Не взрослые и не дети. Мир, готовый к сотворению. Ну, давай.

А мне наплевать на это.

«*U watch me dad*»⁸.

Whatever⁹.

«*me do da jump*»¹⁰

Lakritsshot?¹¹

Я не люблю лакрицу. Вы же знаете.

Я знаю, Эмма. Я знаю.

Есть вообще кто-нибудь, кто любит лакрицу? Всерьез? Кислых рыбок мне, please. / пожалуйста.

Папа.

Тим приехал в горы. Поставил машину на черной как ночь парковке и смотрит вниз на огни Магалуфа. Отсюда вывеска Benny Hill светит более темным оттенком красного, а подсветка ночного клуба Tivoli Nightclub трепещет на ветру, как и раньше.

Прочная подстилка осталась в багажнике, и он садится прямо на утес. Камень давит на копчик, и Тиму это нравится: неприятное ощущение не дает ему задремать, дает мыслям шанс поплутать еще некоторое время.

Одно время он думал, что есть граница алчности даже на Мальорке, даже в столице острова, городе Пальме. Но нет, это было не так. Четыре профессора университетской больницы Son Espases создали фонд для изучения раковых заболеваний. Умиравшие от рака люди платили в этот фонд по двадцать пять тысяч евро за лечение новым, революционным, методом, который должен был спасти их жизнь. Пациенты закладывали свои дома, клянчили деньги у друзей и родственников, чтобы оплатить курс лечения. Метод оказался выдуманным, таблетки делались из сахарной пудры, а фонд был машиной для добычи денег для этих четверых.

Машины, яхты, виллы, проститутки.

Мертвые пациенты.

Когда газета *Diario de Mallorca* разоблачила этот блеф, жители острова строили из себя возмущенных. Некоторые наверняка негодовали искренне. Никто не хочет, чтобы ему напоминали о его слабости. Мы все ранимы, когда смерть близка.

В ближайшем от него баре *Las Cruces* клиенты, однако, не выражали недовольства. Лишь пожимали плечами и говорили, что нельзя превращаться в идиотов только потому, что у тебя рак.

Профессора попытались также развернуть продажу лекарств от болезни Альцгеймера, препарат, который должен был затормозить нарастающую забывчивость и восстановить то, что было утеряно, своего рода откат назад в мечтах.

Тим разглядывает красную вывеску.

⁸ Смотри, папа (*пер. с англ.*).

⁹ Какая разница (*пер. с англ.*).

¹⁰ Я прыгаю (*пер. с англ.*).

¹¹ Рюмка шнапса со вкусом лакрицы (*пер. с англ.*).

Он долго сидит на утесе. Огни в Магалуфе никогда не гаснут, они просто растворяются на рассвете, точно так же, как исчезла Эмма.

Когда Тим направляет машину в сторону Пальмы, включает стерео. Из динамиков струится «Мария» группы Blondie.

Голос Дебби Харри. Слова, которые она поет о самоуверенной, недостижимой девочке, женщине, как во сне, вызывают воспоминания о начале всего.

Эмма сидела у кухонного стола и показывала ему сайт турагентства, читала вслух, будто бы сначала всерьез, а потом иронично цитировала Рильке, что-то из написанного им об искусстве, об ощущениях молодых людей и жесткой ценности этих чувств.

– Мальорка – один из наших излюбленных маршрутов для путешествий. Здесь есть тапас-бары с приятной атмосферой. Кольшущиеся поля цветущих маков, зеленые заросли олив, море, горы и прекрасные пляжи. И то, чего жаждут больше всего, – средиземноморское тепло – с начала апреля до середины октября.

Она подняла глаза.

– На Мальорке есть все, – продолжила она чтение. – От удобных для семей с детьми пляжей до очаровательных деревенок, от наполненных движением аквапарков до спа, от тренажерных залов в отелях до крупного города Пальмы. Отели на любой вкус: для романтических пар, многодетных семей, друзей или всей родни.

– Хватит, – сказал он. – Я понял, чего ты хочешь, я не так глуп.

– Папа, послушай. Многие особенности делают Мальорку уникальной. Как, например, четырнадцатикилометровый пляж Alcúdia или старый трамвайчик, который ходит между городом Сольер и морем. Или виноградники и извилистые дороги серпантином вокруг Дейя и Вальдемасы. Не говоря уже о Пальме с фасадами домов в стиле югенд, дизайнерскими бутиками и величественным кафедральным собором.

Он дает высокому голосу Эммы замереть, он помнит его мягким, как хлопок много раз стиранный простыни, мягкость, которую могут дать только время, забота и мечты.

Тим крепко держит руль, в салоне гремит музыка, он должен бодрствовать, только бы не уснуть.

На расстоянии он видит кафедральный собор La Seu, за ним взошло солнце, ему хочется опустить солнцезащитный экран, но нет. Яркий свет и песня не дадут ему уснуть.

Дебби Харри поет о мерцании тысячи и одной свечи, Аве Мария.

Разгар сезона. Остров просыпается в очередной день, а она потягивается, зевает и вздохмачивает свою шевелюру.

Сначала древними островитянами за тысячи лет до нашей эры были талайоты, потом пришли римляне, византийцы, за ними мавры, арагонцы, построившие кафедральный собор на месте бывшей мечети. Фашисты, туристы.

Сангрия, белые известняковые стены курортов, горы, которые невидимыми глазу движениями переходят в обрывистые кручи, ведущие прямо в море, прибой которого ежедневно создает новые нюансы синего. Пляжи с мелким, как пыль, песком. Пещеры, где не караулят циклопы, сирены, манящие оливковым маслом и вином. Надень плавки, а то смажь педали велика, или иди на корт, отличный свинг и бэкхенд.

Двадцать шесть миллионов туристов в прошлом году, на три миллиона больше, чем годом раньше. Двести тысяч взлетов и приземлений в аэропорту Сон-Сан-Хуан. Они прибывают целыми ордами, варварское вторжение в страну варваров, движимые тоской и страхом, и он их понимает. Здесь нет никаких террористов, никаких бомб, никаких афганцев с черными козлиными бородами. Здесь есть солнце, спиртное. Здесь нет ничего, что на самом деле надо обязательно увидеть. Можно просто откинуться в шезлонге за десять евро в день, под зонтиком за пять, и дать себе забыть трудовые будни зимы и весны.

Это остров забвения, ты можешь отдаться красоте ландшафта, исчезнуть в скрытых горных долинах, и каждый раз, когда ты поднимаешь взор к синему небу, ничто не стоит между тобой и твоим творцом, ты смотришь ему прямо в глаза, и он не молчит, он шепчет: «все хорошо, у тебя хорошая жизнь, ты делаешь правильный выбор».

Эмма продолжает читать. Ее голос глубоко ироничен, мягкий хлопок стал жесткой теркой.

– Не забывайте, как на Мальорке все прекрасно организовано. Ухоженные пляжи, удобные коммуникации, велосипеды и дайверы, тропинки для пешеходных прогулок и поля для игры в гольф – все к вашим услугам.

Он вел машину вдоль моря, вниз к городу, ко сну, мимо брошенных домов района Calle Martín Costa, рядом с кольцевой дорогой у Son Dameto. Окна пустых домов разрезают свои темные пасти, но кажется, что они все-таки смотрят на город, на остров и бухту, задаваясь вопросом, что же они на самом деле видят, кроме воды, неба и камней.

На трех тысячах шестистах сорока квадратных метрах, которые он разделяет с двумя миллионами людей этим утром, большинство просыпается чуточку счастливыми. Несмотря на похмелье, разочарование и усталость, придавленность обстоятельствами и злобой, годами жизни, которые были и прошли, они все-таки живы, живы и близки к тому, чему их научили, как троице счастья.

Солнце, море, пляж.

Не Эмми ли поет о том, как идешь по воздуху, паришь в высоте, как миллионер?

Не усни, Тим. Только не усни.

Смотри, как они купаются, как наслаждаются солнцем все эти люди.

«Не сходи с ума, папа, – поет она, – не сердись на меня».

Стокгольм, пятое августа 2015

Холодный дождь хлещет по ветровому стеклу. Частые и жесткие удары капель создают звук, который напоминает забаву ребенка, играющего языком.

так так так так

Окна покрыты потоками воды, каплями, и пятый терминал аэропорта Арланда виден нечетко. Люди торопливо бегут под дождем. Наклоняются, толкают чемоданы перед собой, проклиная погоду.

Тим выключает мотор. Смотрит на нее.

Эмма Кристина Бланк, второе имя Кристина ей дали в честь его мамы, которая умерла, когда ему было двенадцать.

На ней наушники, у шестнадцатилетних всегда наушники, и что бы там ни громыало в ее ушах и дальше в ее мозгах, он этого слушать не хочет. Это ритмы лета, такты, аккомпанирующие радостям и разочарованиям этого сезона. Она снимает наушники и смотрит на него, тихо и благодарно, роется в кармане и достает пачку жвачки «Стиморол», освежающая мята, протягивает ему.

– Хочешь?

Тим берет упаковку, выуживает жвачку. Эмма выжидает момент, когда сильный вкус ментола настигнет его, как удар, заставляя его зажмуриться.

– Возьми еще, – говорит она и ухмыляется, но он возвращает пачку, а она достает жвачку себе и кладет остальное в карман.

– Осторожнее, чтобы не застряла в брекетах.

– Ха-ха, очень смешно.

– Открой бардачок, – говорит он.

Она издает вопль радости, когда находит там большой пакет с красными кислыми желейнными рыбками.

Ливень еще прибавляет силы, льет несколько секунд и снова успокаивается.

– Приятно будет попрощаться с такой погодой, да?

Эмма кивает, снова надевает наушники, но так же быстро их снимает и засовывает пакет со сладостями в рюкзак на коленях.

– Если вытащишь мой чемодан из багажника и откатишь его в сторонку, то я могу выско-чить и сразу побежать в терминал.

Он улыбается.

– Или я открою багажник изнутри салона, и ты вытащишь чемодан сама.

– Please, пап.

Она тянет рукав своей сатиновой летной куртки «бомбер». Смотрит на маленькое пятно от шоколада на белой манжете. Морщит нос.

– Надо было отдать куртку в химчистку.

Достает свой айфон, его бежевый чехол будто сливается с кожей ее руки. Она быстро просматривает, что успело произойти в социальных сетях, а он смотрит на ее профиль, где ее лоб, чуть широковатый нос и острый подбородок составляют такую гармоничную линию, которую могла создать лишь доброжелательная природа, одно из немногочисленных доказа-тельств существования доброты.

Ее недавно подстриженные светлые и прямые волосы, более густые, чем у мамы Ребекки, лежат на плечах.

– Юлия и София уже внутри, – говорит она. – Я должна идти.

У него к ней тысячи призывов. Будь осторожна, не напивайся одна с незнакомыми пар-нями, вообще не напивайся допьяна, не пей лучше совсем ничего и уж точно никаких нарко-тиков. Но для всех этих призывов уже поздно, она такая, какая она есть, и будет делать то, что хочет, и он ей доверяет, он дал ей себя убедить и сам убедил потом Ребекку, что дочь надо отпустить на недельку с лучшими друзьями на Мальорку, всего на одну неделю, чтобы отпразд-новать летние каникулы, хорошие оценки и забыть на короткое время, что скоро, слишком скоро, снова начнется учебный год.

В гимназии. Курс дизайна. Неважно, есть у нее талант или нет.

– Мы должны ей верить, полагаться на нее.

– Ей еще не хватает ума, и тебе это прекрасно известно.

Будь осторожна.

Но он ничего этого не говорит, только смотрит на нее, а она почувствовала это в его молчании и повернулась к нему.

– Что?

– Ничего.

– Ты хочешь поучить меня жизни?

– Призывать тебя делать то и не делать это? Да, хочу, но не буду. Я хочу пожелать тебе одну вещь, и это, – он дает словам время повисеть в воздухе, видит ее гримасу и продолжает, – чтобы ты провела время как можно веселее.

Она улыбается, тянется к нему, обнимает его, и ее тело и твердое, и мягкое одновременно, еще не тело взрослого и уже не ребенка, а какого-то иного, живого и свободного существа, которое пытается найти свою форму.

Он тоже ее обнимает. Осторожно. Как он всегда это делал и всегда будет делать. Шепчет «иди уже» прямо ей в ухо, она отодвигается, подпрыгивает сидя, переполненная ожиданием, чистой радостью жизни в начале пути.

Он ей завидует, хочет стать ею, никогда таким не был. Она – улучшенная версия его самого во всех отношениях, у нее есть талант к жизни, которого у него нет.

Он открывает свою дверь, и дождь превращается в грохот. Косые порывы ветра забрасывают в машину капли дождя, холодят щеки, он выходит, достает чемодан из багажника и чувствует, что рубашка и джинсы совершенно промокли за эти несколько секунд.

Он ставит большой черный чемодан рядом с ее дверью, стучит в стекло и бежит обратно вокруг машины, залезает в салон, прячась от дождя, она над ним смеется.

– Не грусти.

– Я не грущу.

– Ты выглядишь как грустный мокрый пес.

Он хочет спросить, не забыла ли она паспорт, кредитную карту, деньги, но она бы обиделась, если бы он спросил, и, вместо вопросов, он велит ей посмотреть за солнцезащитным козырьком.

– Мне надо идти. Чемодан промокнет.

– Успеешь. Делай, что говорю.

Она догадывается, что будет, шарит за сеточкой. Достает белый конверт с логотипом страхового агентства If, открывает и радостно вопит, увидев шесть коричнево-желтых купюр по пятьдесят евро.

– Маме только не говори.

– Promise¹².

Она снова быстренько его обнимает. Открывает дверь.

– Подожди, постой, – говорит он.

Он достает свой мобильник и делает то, чего не делал никогда, – фотографирует ее, как бы воруя ее изображение, ее лицо на фоне стены дождя.

Она останавливается, будто вспоминает что-то важное.

– Хочешь зайти внутрь?

– Я знаю, ты этого не хочешь.

– Я просто хочу немного private space¹³, папа.

– Ничего, это нормально, – говорит он.

– Точно?

У меня есть только ты, – хочется ему сказать. Ты – моя единственная дочь.

Мой единственный ребенок.

Будь осторожна, – хочется ему крикнуть, – будь осторожна. Твоя мама права, это чистое сумасшествие, вся эта поездка – идиотская идея.

Вкус мяты.

Запах победного дождя. Деньги, железные рыбки.

Она вышла из машины, бежит, толкая чемодан на колесиках впереди себя и держа в руках рюкзак, торопится в пасть вращающейся двери.

Легкие снежинки падают в свете уличных фонарей. Полосатый сине-красный комбинезон Эммы мешает ее движениям, она разгорячилась и устала, и еще теплее становится ее лоб, когда она заходит в магазинчик Seven-Eleven, где Йорг, вялый полумексиканец, стоит за кассой рядом с сосисками, круассанами, шоколадными маффинами и жестким треугольным хлебом, бумажным на вкус.

Она тянется к прилавку, кладет «Твикс» подальше от себя и поближе к продавцу, отходит, чтобы видеть Йорга, который что-то говорит, но эти слова ничего не значат даже в этот момент, когда их произносят, они исчезают, забываются, становятся недостижимыми для того, кто попытается их вспомнить.

¹² Обещаю (пер. с англ.).

¹³ Личного пространства (пер. с англ.).

Эмма забирает «Твикс» после того, как Тим заплатил за шоколадные батончики. Потом они садятся у окна на высокие табуреты, рядом с пакетами обычного молока, безлактозного, сои и молока средней жирности, она открывает упаковку и протягивает один из шоколадных батончиков ему.

– Один папе, – говорит она. – Один Эмме.

На улице идет снег, темно, как бывает только в феврале, на часах четыре, и так они иногда делают, он и Эмма, останавливаются у магазинчика Seven-Eleven, делят одну упаковку «Твикса» на двоих, сидят у большой стеклянной витрины и чувствуют течение времени, когда весь мир принадлежит только им двоим и в то же время ускользает от них.

Тим надеется, что ему не придется применять силу сверх меры. Лучше было бы вообще не прибегать к насилию, но мелкие жулики, наживающиеся на лодках, редко обладают таким умом, чтобы до них сразу доходило, что игра проиграна и надо делать так, как он говорит.

Часы на приборной доске в машине показывают десять минут шестого, и снаружи бушует пекло. Он припарковался на широком тротуаре возле отеля Marítimo. По одну сторону, за пальмами, которые делят шесть рядов движения на две части, видны мачты яхт с колышущимися вымпелами. Команды торопятся загрузиться всем необходимым прежде, чем появятся владельцы яхт, чтобы отправиться в Таормину ради high life¹⁴, в Ибицу ради клубов и наркотиков, или на Ривьеру, просто для разнообразия.

По другую сторону находится отель Hotel Iberostar Gold и зеркальный холл ночного клуба «Опиум». Кто-то из obsługi приклеивает пластик на афишу с именем вечернего диджея.

Три тысячи гостей принимает клуб «Опиум», а его дискотекой раньше владел Серхио Хенер, прирожденный игрок, ставший «королем развлечений», и его империя приносила ему в разгар сезона миллион евро в день. По его приказу именно в «Опиуме» подставили полицейских, которых он приглашал по воскресеньям. Серхио получил в свое распоряжение кадры, на которых полицейские пользовались бесплатно услугами проституток и употребляли кокаин, тот, что был в клубе, либо кокаин, конфискованный ими самими. Благодаря этим записям полиция вела себя так, как хотелось Серхио. Иногда находили трупы тех, кто мог быть его конкурентом. Трупы плавали лицами вниз, чтобы видны были проломленные черепа.

Тим закрывает глаза. Снова открывает.

Серхио Хенер сидит в камере предварительного заключения в Астурии, его перевели туда с острова потому, что его люди угрожали свидетелям. Хенер хотел стать «аристократом», но аристократами на этом острове могли быть только члены старых дворянских семей и династии владельцев отелей.

Красный «Форд Фиеста» останавливается у стоянки яхт, и из машины вылезает датчанин, которого ждет Тим. Его зовут Микель Андерсен, высокий и жилистый, преступник-неудачник, отсидевший только что пять лет на Оденсе за страховые мошенничества и нанесение телесных повреждений. Микель осматривается, констатирует, что за ним никто не увязался, и проходит на яхтенную стоянку. Он направляется вдоль пирса к яхте, купленной им на деньги, которые он обманом выманил у семьи немецкого зубного врача из Касселя, продав им другую яхту, существовавшую только виртуально в шикарном анонсе. Цена была низкой, но не настолько, чтобы скупердьяй из Касселя заподозрил неладное, он просто купил яхту, не глядя. Тим открывает дверь машины. Достает из бардачка белый конверт, засовывает в задний карман ручку и переходит широкую дорогу вдоль гавани. Заходит на территорию стоянки. Молодая девушка в будке охраны не обращает на него ни малейшего внимания. Он прилично одет в синие брюки чинос и выглаженную белую рубашку, она наверняка думает, что он владелец одной из яхт. Он кивает шкиперам на огромной выкрашенной золотой краской яхте, перешагивает толстый

¹⁴ Красивой жизни (пер. с англ.).

шланг, чувствует запах гнили из мусорных ящиков и катера, на котором ассенизационный бак либо переполнен, либо испорчен.

Датчанин сворачивает налево, на боковой пирс, вдоль которого стоит длинный ряд парусников, и перепрыгивает на палубу двухмачтовика.

Тим смотрит на яхты. Молодая девушка драит палубу на корме, пожилой испанец сидит на парусном судне и чинит насос. Эти двое, пожалуй, могут услышать крики датчанина, но ничего не станут предпринимать. Здесь никто не звонит в полицию без надобности, а чужие проблемы никогда не станут твоими.

Тим останавливается у яхты датчанина. Раздумывает, стоит ли ему шагнуть на белую пластмассовую палубу и войти в каюту, но остается на причале и громко кричит куда-то внутрь судна: «Микель Андерсен, ты там?»

В каюте тишина.

– Дантист хочет свои деньги обратно.

Тим ожидает появления пистолетного дула, но вместо этого на палубу поднимается датчанин.

– А ты, черт побери, кто такой?

Те двое на соседних судах замерли, выжидающе смотрят.

– Я друг зубного врача, – говорит Тим. – Того, кто заплатил тебе за яхту и остался без нее. Он хочет свои деньги прямо сейчас.

Микель Андерсен делает шаг вперед, смотрит на него своими запавшими глазами, пытается принять угрожающий вид, но, когда это не производит никакого эффекта, отступает назад, и Тим перешагивает на судно, делая большой шаг, не прыжок.

Он открывает белый конверт, достает документы, протягивает датчанину.

– Подписывай.

– А что это?

– Это документы передачи собственности. Ты переписываешь яхту на стоматолога, потому что я подозреваю, что у тебя в каюте не спрятаны триста тысяч евро.

– Никогда. Я ничего не подпишу.

– Нет?

– Нет, это мой корабль.

Тим отбрасывает бумаги в сторону, делает быстрый выпад вперед и опускает кулак прямо на голову Микеля Андерсена, ловя себя на том, что чувствует облегчение, ему нравится бить. Кровь изо рта датчанина брызнула тонкой струйкой, кончик его языка показался между зубами, он покачнулся назад, как бы пошарил рукой в воздухе и упал на сине-белые полосатые подушки на сиденьях возле штурвала.

– Не загадь тут все кровью, – говорит Тим, – потому что это судно больше не твое.

Кровь течет изо рта Микеля Андерсена. Он смотрит на Тима, прикидывает, стоит ли сопротивляться, но вроде понимает, что это конец пути, тупик именно в случае с этой яхтой, именно с этой жульнической бизнес-идеей.

– Или ты выберешь волокиту с адвокатами, полицией и прокуратурой? Я могу превратить твою жизнь в такой ад, что ты затоскуешь по тюремным камерам в Оденсе, где тебя трахали в задницу.

Людей на других яхтах больше не видно, солнце палит еще жарче, пот стекает по спине, Тим достает из заднего кармана ручку, протягивает ее датчанину, который берет ее и подписывает пять скрепленных бумаг. Потом отдает их Тиму.

– Ты чему-нибудь научился? – спрашивает Тим и кладет бумаги в конверт.

– Что?

– Чему-нибудь это тебя научило?

– Что на это ответить?

– А мне откуда знать? Даю тебе полчаса на то, чтобы исчезнуть.

Тим поворачивается, поднимается на пристань, идет к машине, снова пересекая магистраль Маритимо.

Он включает кондиционер, потому что солнце успело превратить салон машины в печь крематория, тянется к месту пассажира, опускает солнцезащитные шторки и достает один из распечатанных снимков, засунутых за сеточку. Он держит карточку в руке, но не хочет смотреть на изображение, нет сил, и он переводит взгляд на пирс, куда только что причалили огромные катамараны. На берег вываливаются люди, пьяные, их тошнит, а тем временем пассажиры вечерних рейсов лениво ждут посадки в черной тени пальм, и тогда Тим делает вдох.

Глубокий вдох.

Датчанин идет вдоль пирса, на спине большая в форме мешка сумка, в руках наполненные до самого верха пакеты. Тим отправляет эсэмэску Вильсону, начальнику частного сыскного бюро Heidegger Private Investigators.

«All taken care of»¹⁵.

«Good. Don't forget about tonight»¹⁶.

Он уже забыл. Что же будет вечером? Придется переспросить.

«What?»¹⁷

«You know. Duty time»¹⁸.

Тим даже не пытается вспомнить, о чем речь, память редко приносит хорошее, а рядом по тротуару идут круизные пассажиры в ярких цветастых платьях и больших шортах. Дверь в клуб «Опиум» уже открыта, и мужчина протирает билетную стойку, покрытую черным лаком. Тим смотрит на карточку в руке, но не на снимок, а читает текст на обороте, что он уже и так много раз проделывал раньше.

! FALTANT! Has vist aquesta noia?

! DESAPARECIDO! Has visto a esta chica?

MISSING. Have you seen this girl?

SAKNAD! Har du sett den här flickan?

失踪。你看过这个女孩吗

DISPARUE. Avez-vous vu cette fille?

ПРОПАЛА. Вы видели эту девушку?

VERMISSEN. Haben Sie dieses Mädchen gesehen?

Please call¹⁹.

И его номер телефона.

Она входит теперь в меню для туристов, стала банальностью, растиражирована для всех, переведена, опубликована и вскоре забудется, ему хочется повернуть снимок, но он и так знает, как выглядит фотография, он раздал уже тысячи таких же карточек за последние три года.

Он поворачивает снимок. Эмма на другом пассажирском сиденье, а не на том, что пустеет рядом с ним, пятый терминал аэропорта Арланда виднеется сквозь ливень, она сидит на фоне стены дождя и улыбается.

Сегодня ровно три года, как я видел тебя в последний раз.

¹⁵ Все в порядке (пер. с англ.).

¹⁶ Хорошо. Не забудь про сегодняшний вечер (пер. с англ.).

¹⁷ Что? (пер. с англ.)

¹⁸ Ты же знаешь. Дежурство (пер. с англ.).

¹⁹ Пожалуйста, позвоните (пер. с англ.).

Ты не забывай. Это мое обещание тебе, никогда не перестать тебя искать.

Тим чувствует, как нанесенный им удар, применение силы, все еще держится в теле, как последние остатки глубокого вдоха. Он отодвигает тонкие белые шторы, видит, что у подъезда останавливается курьер на мотоцикле из «Пиццерии Тони».

Семья Адаме проголодалась. Пицца заказана с дополнительной порцией сыра. Кто желает на десерт дорожку кока, может заказать с доставкой на дом. Попросишь о добавке «белого» сыра или «снега», получишь в центре пиццы один грамм кокаина, надежно упакованный в маленький белый пакетик, устойчивый к жару. Закажешь дополнительно десять кусочков «сыра», получишь десять граммов.

В семье Адаме пиццу едят часто.

Примерно через час после доставки мужчина и женщина начинают бить друг друга и кричать так, что у соседей дрожат стекла. Дети сначала пугаются, тихо плачут, но и это слышно через тонкие стены. Затем дети плачут громче, после чего понимают, что лучше всего молчать.

Посыльный из пиццерии уезжает.

На улице тихо, жара держит людей дома, старый кондиционер постанывает и фыркает, пытаюсь изо всех сил охладить две его комнаты.

Он живет на втором этаже из четырех в небольших апартаментах по адресу Calle Reina Constanza, номер двадцать. Дом строили в семидесятые годы, как и значительную часть города. Фасад покрыт квадратными плитками, которые с годами почернели от влажности. Изношенная до потрепанности электропроводка свисает под его эркером, и двадцать окон дома закрывают белые металлические жалюзи и ставни. Все, кроме его окна. Он – единственный, кто не боится света и не прячется от него, привычка, которую он привез с собой из Швеции и которая непонятна ни одному из его соседей.

Тим снимает квартиру у «лорда трущоб» Мальорки, который берет с него тысячу пятьсот евро в месяц. За эту цену он вынужден терпеть, что в ванной пахнет плесенью, что на газовой плите из трех конфорок работает только одна и что колонке, греющей воду, удается доводить температуру драгоценных капель максимум до тридцати градусов.

Улица Reina Constanza оставляет желать лучшего.

Вся эта часть города, которая называется Son Foners, тоже.

The wrong side of the river,
the wrong side of the road²⁰.

Как и в случае с Avenida de Gabriel Alomar, частью крупной магистрали города Пальма, которая разрезает город, как вентиляционная шахта, громогласная и дымная. Даже в квартире, которую должен бы защищать от шума ряд соседних домов, он слышит шум автомобилей, чувствует смесь выхлопных газов с вонью из химчистки в соседнем доме, запах масла из мастерских по ремонту машин в здании напротив и шипящего фритюрного масла из кебабной на улице.

Квартира с мебелировкой. Зеленый синтетический диван. Мозаичный столик из металла в гостиной. Обои в красно-золотых тонах с медальонами не менялись со времени постройки дома, электричество потрескивает, а в спальне кровать с матрасом, который прогибается, как только он хочет прилечь отдохнуть. Никаких фотографий Эммы или Ребекки. Их здесь нет, и не забыл ли он о чем-то, Вильсон ведь что-то говорил? День еще не закончился, но ему хочется освободить мозги от всего, он просто хочет опуститься на диван, включить телевизор и посмотреть без звука какую-нибудь программу по CNN, увидеть самые последние взрывы, вранье, ожидаемое падение нравов. Пожелтевшие дверцы кухонных шкафов прячут треснувшую посуду, но он соблюдает в кухне чистоту, особенно в это время года, когда крысы, тара-

²⁰ Не та сторона реки, не та сторона дороги (*пер. с англ.*).

каны и муравьи совершают массовые набеги в поисках остатков пищи. В туалете есть окошко именно такой величины, чтобы он мог выбраться через него и прыгнуть на крышу соседнего дома, перебежать дальше к балкону, потом перепрыгнуть на другой балкон, с него на цистерну, с нее вниз на дворик, где сушат белье, и через проходной двор в дом, который стоит на авеню Las Avenidas. Он не знает, открыта ли дверь черного хода, но она из стекла, так что в любом случае он сможет выбраться этим путем, если возникнет такая необходимость.

У него в квартире есть тайники. Бутылки тоже есть, с прозрачным алкоголем, с разноцветным алкоголем, с вином, а в морозильнике бутылка крепкого ледяного Ору́хо, из виноградных выжимок, подарок от крестьянина, которому он помог, работая в детективном бюро Хайдеггера.

Ему хочется сесть, но он задерживается у оконной шторы, смотрит на улицу, как наконец-то опускаются сумерки и температура вместе с ними. Улица медленно пробуждается. Чилийцы на первом этаже выставили на тротуар стулья, а цыгане в одноэтажном домике слева открыли окна. Они спокойно беседуют друг с другом, и он не пытается понять, что они говорят, он предпочитает бормотание, а нищие испанцы и нищие уроженцы Мальорки, живущие здесь, начинают возвращаться с работы, опущенные плечи, сгорбленные спины, усталые лица, довольные лица, еще один день работы, еще один день в жизни низкооплачиваемых, еще один день с едой на столе, еще один день в надежде на то, что дети будут жить лучше, чем они сами.

Они спят пару часов, отдыхают, убирают в доме, а потом выходят, потому что наступает время второго дыхания, и тогда оживают все, независимо от того, каким был день. Кофе, пиво, неспешная прогулка по району, сплетни с соседями, лай собак, беготня детей, удары мячей о стену, и темнота, которая медленно укрывает деревья, зеленеющие, несмотря на жару и засуху.

Но этот час еще не наступил.

Сейчас собираются алкоголики, у которых есть работа, в ресторане Las Cruces. Те, что сидели там весь день, так и сидят, а новые застрянут надолго.

Включается белая вывеска с логотипом «Кока-Колы», крутятся лопасти машины для дробления льда, размешивая густую массу лимонных льдинок, Тим замечает владельца, жирного Рамона, выходца из Андалузии, который вытирает прилавок ветхой тряпкой, пока его кубинская жена Ванесса встряхивает пакеты с чипсами, чтобы те снова стали пузатыми, как новые. Одна из проституток с верхнего этажа над рестораном приезжает на работу, паркует свой красный мопед между двумя машинами, здоровается с мужиками в баре, слегка выпячивает грудь, чтобы их порадовать, и исчезает в парадной семиэтажного дома.

Никто не ездит в отпуск. Ни у кого на это нет денег. Если куда-то едут, то едут домой, к родственникам. Все всегда дома в какое-нибудь время суток. Все знают всех, и благодаря этому у них хватает ума понять тех, кто не хочет знать вообще никого. Они думают, что он, швед, el Sueco, один из тех, кто стремится к одиночеству, несмотря на то, что ему хотелось бы быть одним из них, по-настоящему, но они его таким не считают, они знают, кто он, почему он здесь, и они его жалеют. Он их не пугает, но его судьба пугает их, да и что бы они могли ему сказать?

Они знают, что ничего нового не произошло и не выяснилось.

Они не хотят, чтобы им напоминали о грусти и тоске, которую они носят в сердцах, им хватает своих забот, они могут мысленно убежать от него и от Эммы, но не могут это совершать каждый божий день, ни у кого нет на это сил, а уж у него самого меньше всех.

В семье Адаме начинается драка, крики и плач. Отключись. Позвони в социальную службу.

Однако в этот вечер они быстро затихают и скоро опять смеются все вместе.

Тим хочет спать, идет в ванную, достает из ржавой настенной аптечки упаковку Stesolid²¹, берет одну таблетку, пытаясь не смотреть на себя в зеркало и стараясь сосредоточиться на

²¹ Седативный препарат (прим. пер.).

вони из канализации, которая просачивается из клоак города, перегруженных в разгар туристического сезона. Система, рассчитанная на четыреста тысяч местных жителей, пытается справиться с естественными нуждами двух миллионов человек, и эта мысль заставляет его побыстрее уйти из ванной комнаты.

Кровать под ним проседает, как море, разделенное пополам, пружины вонзаются в спину, он тянется за пультом, включает вентилятор под потолком, и вскоре тот, как вращающиеся ворота в рай, охлаждает тех, кому путь в рай заказан, кому дорога одна – вниз, в ад, в настоящую геенну огненную, где они разогреются до того, что воспламятся сами.

Химия разбирает его мозг на части. Слова отделяются друг от друга, не успев оформиться в мысль, он превращается в ничто, чуть большее, чем разрозненные потоки слов, которые пугаются друг друга, а вентилятор разбрасывает буквы по темной комнате, пицца, крик, дети, изнасилование, захват за горло, слова превращаются в белую пыль, летают в воздухе, слова мексиканца, твои слова, Эмма, их не уловить, они неправильно написаны, «ра ра, U watch me»²², он делает выдох, и с воздухом все исчезает.

В доме совершенно тихо, когда Тим просыпается спустя несколько часов. Темнота улеглась за окном, и через шторы с улицы просачиваются только несколько лучиков света.

Он помнит, куда ему надо идти.

Duty time²³.

Он надевает бежевый льняной костюм, белую рубашку, серые сандалии-эспадрильи. Расчесывает рукой свои светлые волосы, у него на голове существует, как он говорит, автономное королевство, поскольку его густая и непокорная шевелюра никогда ему не подчинялась.

Из машины по пути к району El Arenal ему видна черная полоса моря между низкими домиками популярного микрорайона Ciudad Jardín. В бухте стоит американский авианосец, темный монолит с редкими огоньками, но он все же отлично виден на фоне графитово-серого неба. Большинство из его шести тысяч моряков сейчас на берегу, завоевывают город, то есть пьют, принимают наркотики или шляются с проститутками. Военный корабль выйдет из бухты завтра и направится на Ближний Восток, в Катар, в один из тех неразрешимых конфликтов между людьми или внутри них самих: шииты или сунниты, нефть или газ, брать взятку или нет, нюхнуть дорожку кокаина или отказаться, сдаться или держаться, нажать на курок или нет. Человек лежит на якоре в черной бухте, цепь слаба, а якорь слишком легкий, дно из мелкого песка, но никому до этого нет дела.

На подиуме у моря диджей поднимает одну руку, а второй прижимает к уху наушники, покачивает головой в такт тем ритмам, которые он направляет в сторону двух сотен человек, собравшихся в El Arenal на торжественное открытие клуба на пляже. Кожа танцующих женщин блестит в свете прожекторов, кажется, что она стекает с их тел. Люди теснятся у бара, пытаются привлечь внимание мечущихся за стойкой барменов, сегодня спиртное бесплатно, надо воспользоваться случаем. Новый клуб построен на бетонном фундаменте, нависающем над пляжем, и Тим не знает, кто его владелец. Такие вещи никогда нельзя узнать на Мальорке. Ясно только, что деньги положат себе в карман те, кто выдал разрешение на строительство, во вторую очередь подрядчики, а те переведут деньги на счета чиновников из правительства или региональных властей в Швейцарию, на Антильские острова или куда там еще прячут сегодня такие деньги.

Пятьдесят шезлонгов со светло-серыми толстыми подушками-сидушками установлены вдоль бассейна, который светится, как голубое небо ясным днем. На некоторых шезлонгах

²² Па па, смотри (пер. с англ.).

²³ Дежурство (пер. с англ.).

сидят длинноволосые пожилые мужчины в белых брюках и теннисках в пастельных тонах. Они курят марихуану с молодыми девицами в коротких платьях, расшитых блестящими пайетками и золотыми нитями. Девушки скинули туфли на высоких каблуках на белый настил, они втягивают животы и выпячивают силиконовые бюсты.

Эскортницы.

Здесь их летний бизнес.

Тиму вообще не хочется тут находиться, но это требование его начальника Вильсона.

На прогулочной дорожке вдоль берега останавливаются привезенные чартерными рейсами туристы и смотрят на спектакль открытия клуба, тарашатся, но не завидуют. Инстинктивно чувствуют, что эта тусовка не для них, тут собрались «ВИПы», посвященные, избранные. Те, кто никогда в жизни даже не посмотрел бы в сторону «пивной крепости» Мегапарк, до которой меньше пятисот метров дальше вдоль пляжа, где пять тысяч немцев прямо сейчас наливаются пивом, пьянеют и в лучшем случае уснут прямо на берегу.

Ночь шелестит. Губы чмокают, не попадая в щеки. Тела прикасаются друг к другу, глаза ищут того, кто имеет вес или может иметь значение. Люди встречаются, попадают на крючок, на них делают деньги, а потом их выплескивают вместе с канализационными отходами.

Громкость повышается, и ритм переходит в мелодию, которую повсюду играли все лето, «Better now»²⁴, молодой мужской голос поет «better now, you probably think that you are better now»²⁵, и публика орет, движется в такт песне по всей территории клуба. Воздух насыщен морской солью и сигаретным дымом, марихуаной и потом, лаком для волос и слишком большими дозами лосьона для бритья бренда «Том Форд».

It's opening night²⁶.

It's high season²⁷.

Hands up in the air²⁸.

МЫ ЗДЕСЬ!

Многим девицам из эскорта платят только за то, что они украшают общество своим присутствием, особенно молодым и красивым южноамериканкам и тем, кто из Румынии и Болгарии.

У Тима звучит сигнал телефона.

СМС от Симоны, его коллеги по детективному бюро Хайдеггера.

«Ты на месте? Вильсон думал, что ты не пойдешь».

«Я тут, и вокруг одни задницы. В следующий раз твоя очередь».

In your dreams, Timmy boy²⁹:-)

У входа, где реет пара флажков с логотипом «Мерседес», фотограф из желтой газеты Última Horas снимает прибывающих. Туристы подозревают, что все тут сплошные знаменитости, «звезды», достают свои телефоны и тоже начинают фотографировать, чтобы выложить в «Инстаграм» местные сливки общества.

Тим берет рюмку водки с подноса официантки, одетой в матросский костюмчик. Быстро опрокидывает в себя и хватает еще одну, пока официантка не слилась со стеной человеческого мяса.

Он наблюдает за прибытием Хуана Педро Салгадо. Тот застегивает пиджак, вылезая из черной машины. Салгадо уже полтора года начальник Национальной полиции в Пальме.

²⁴ Лучше сейчас (*пер. с англ.*).

²⁵ Лучше сейчас, ты, возможно, думаешь, что ты лучше сейчас (*пер. с англ.*).

²⁶ Это вечер открытия (*пер. с англ.*).

²⁷ Разгар сезона (*пер. с англ.*).

²⁸ Поднимите руки вверх (*пер. с англ.*).

²⁹ Мечтать не вредно, малыш Тимми (*пер. с англ.*).

Раньше он возглавлял местную полицию, где заменил одного молодца, присланного из испанского Фигераса для борьбы с коррупцией.

Смельчак из Фигераса заявил прессе, что его ствол всегда заряжен, что он готов взяться за прихвостней Серхио Хенера, которых он назвал *robrecitos*, то есть «бедняжками», но скоро сам почувствовал себя «бедняжкой», когда машину его жены столкнули с дороги в Дейя. Мужчины в масках приставили к ее голове пистолет и велели сказать мужу, что ему пора покинуть остров, не то она получит пулю в лоб. Смельчак забрал семью и вернулся обратно на континент.

Хуан Педро Салгадо, крупный и тяжеловесный, облачен в серый шелковый костюм, сшитый на заказ. Тим с ним встречался. Национальная полиция занимается всеми тяжкими преступлениями. Убийствами, похищениями людей, изнасилованиями и пропажей людей. Пропажей Эммы тоже. Через несколько месяцев после вступления Салгадо в должность, почти через полтора года после исчезновения Эммы, он позвонил и сказал, что хочет встретиться с Тимом. Они встретились в баре *Bar Bosch*, в кабинете у длинной стойки, и Салгадо уверил его, что дело не закрыто, что он назначил лучших оперов для расследования, но дело сложное, нет никаких следов. Тим смотрел на его жирные кольшущиеся щеки, дружелюбные карие глаза и кивал. Кивал, зная, что никто на острове, помимо его самого, не будет даже пытаться разыскивать Эмму.

– Как твое частное расследование? Как там дела? – спросил Салгадо. – Все еще ищешь?

– Я ищу, – ответил Тим. – Но ничего не добился. Пока что.

– Никаких новых следов, ниточек, зацепок?

– К сожалению, нет.

– Мы не сдаемся, – сказал Салгадо и положил руку Тиму на плечо. – Никто из нас. Не так ли? У меня самого двое детей, и я бы никогда не сдался.

Сегодня Салгадо приехал один, демонстрируя прочность своего положения. Он родился на острове, но ему все же не хватает нескольких поколений за спиной, чтобы считаться настоящим майоркинцем. Взгляд Тима падает на то место, где стоял Салгадо. Там теперь стоит мужчина того же возраста, что и шеф полиции, но худощавее, элегантно одетый, с коротко подстриженными волнистыми волосами, намазанными маслом. Тим его где-то видел, но не помнит в какой связи, а элегантный расцеловывает Салгадо в обе щеки и продолжает свой путь в человеческом море, поглядывая на эскортниц.

Иногда в бюро Хайдеггера поступают запросы с просьбой о помощи в даче взяток политикам или чиновникам. Бюро всегда отказывает. Этим они не занимаются. Они занимаются другими делами, и поэтому Тим сегодня здесь. Супружеская неверность, мошенничество с продажей домов и квартир, или жульничество с лодками, как то, чем Тим занимался с утра, нажать на кого-то, кто не заплатил свой долг, вот за это они берутся. И всем и каждому на этой тусовке могут понадобиться такие услуги, так что, когда вторая рюмка водки начала действовать, Тим протиснулся в гущу гостей, раздавая визитки с названием фирмы. «If you encounter any problems, we are your guys»³⁰.

– Do not give that to my wifie³¹, – говорит жирный толстяк в оранжевом костюме, а его спутница, молодая женщина в золотом бюстгальтере, насмешливо улыбается.

– Please, give to wife. Tell about me³², – говорит она с сильным болгарским акцентом, а орангутанг шлепает ее по пояснице, не доставая до попы, на которой та сидит.

В туалете клуба, в серебряной мозаичной пещере с приглушенным освещением, к Тиму обращается парень в обтягивающих кожаных брюках, спрашивая, не хочет ли он дорожку. Тим отказывается и протягивает ему визитку.

³⁰ Если у вас возникнут какие-либо проблемы, обращайтесь к нам (пер. с англ.).

³¹ Только, пожалуйста, не давайте визитку моей женушке (пер. с англ.).

³² Пожалуйста, дайте жене. Расскажите обо мне (пер. с англ.).

– На случай, если твой бойфренд будет делать глупости.

Мужчина явно не понимает, что Тим имеет в виду, но прочитав на визитке «Частный детектив», улыбается.

– Good place for marketing. Very smart man, you³³.

Увы, я не слишком умен, думает Тим, выходит на воздух и видит на дорожке вдоль берега четырех девушек-подростков. Они шумят, вопят и кричат в сторону клуба: «Чертовы аристократы, FUCKING SNOBS, eat my pussy»³⁴, и уходят в ночь на заплетающихся ногах. Ему хочется побежать за ними, сказать им, чтобы были осторожны. Но он им не защитник, и к тому же кто-то стучит пальцем по его спине. Он оборачивается и видит своего друга Акселя Биому, отпрыска нигерийских иммигрантов и преуспевающего человека, в том смысле, что он получил университетское образование и работает журналистом в газете *Diario de Mallorca*.

– Тим, как ты себя чувствуешь?

Музыка звучит тише, и они могут поговорить, не стараясь перекрыть песни.

– А как тебе кажется?

– Как диазепам.

Разве он рассказывал Акселю про таблетки? Нет, это случайное совпадение.

– Буду писать об открытии клуба, – говорит Биома, и его худое темное лицо морщится, а в карих глазах появляется виноватое выражение. Тим не может удержаться.

– А я-то считал тебя серьезным журналистом.

– Я серьезен, как пляжный клуб в августе.

После этих слов Аксель делает глубокий вдох, подтягивает тонкие синие брюки и с тоской смотрит на двух голых до пояса парней в баре, которые медленно целуются.

– Я сегодня написал статью о китайцах в Пальме. Эти косоглазые, как термиты, вгрызаются медленно, но верно в фундамент города и подчиняют себе все. Но так писать, разумеется, никто не позволит, поэтому в статье обычная белиберда. Про то, какие они трудолюбивые и как здорово они интегрируются в испанское общество. Но это полная чушь. Все китайцы интегрированы только в свою собственную китайскую, с поеданием собак, культуру, где бы они ни поселились.

Мужчина из туалета скользит рядом с Акселем Биомой и лижет его в ухо, смотрит на Тима зовущим взглядом.

– Пора двигаться дальше, бейби, – с этими словами он уводит Акселя с собой, и они исчезают, будто нырнули в танцующее человеческое море и утонули в нем.

Тим чувствует на своем плече чью-то руку и оборачивается.

Хуан Педро Салгадо улыбается ослепительно-белой улыбкой.

Они пожимают руки.

– Все хорошо? – спрашивает Салгадо, Тим кивает и показывает визитки.

– Ищу клиентов.

– К сожалению, у нас нет ничего нового о твоей дочери.

– Главное, не сдавайтесь, – говорит Тим.

– Никогда. А ты? Что-нибудь новенькое о ней?

Тим отрицательно качает головой.

– Ничего.

Салгадо кивает, уходя в сторону бара, а Тим кладет последние визитные карточки на стол, за которым пятеро богатых русских угощают десять эскортниц шампанским Cristal из трехлитровой бутылки. Они спрашивают, не хочет ли он подсесть к ним, ведь общество детектива так увлекательно, но у него нет сил даже вежливо отказаться. Он просто проходит мимо.

³³ Хорошее ты место выбрал для рекламы, парень. Умно (*пер. с англ.*).

³⁴ ЧЕРТОВЫ СНОБЫ, отсосите (*пер. с англ.*).

На танцплощадке кучерявая брюнетка тащит мужчину, который целовал в щеки Салгадо, а в это же время перед ней начинает вытанцовывать другой мужчина, в красном кепи и с жестким взглядом.

Фотографов желтой прессы уже нет, туристы ушли и легли спать, или направились в такие места, где им рады. Чуть дальше у дорожки вдоль берега Тим видит пару пустых скамеек, идет туда, садится и смотрит на бухту, на военный корабль, который вдруг гасит все свои огни и погружается в темноту как в ожидании воздушного налета.

Пляжный клуб распадается в его воображении на кусочки.

Иногда он разговаривает с ней так, будто она стоит или сидит рядом.

– Ты была в таком месте, Эмма?

Он слышит свой собственный голос, хриплый от водки, морской соли в воздухе, от сырости моря и сухого тепла, которое струится с гор. Слова идиотские, но он все равно их произносит, ведь надо же что-то сказать тем, о ком мы тоскуем, тем, кто может быть жив или умер, тем, кто оставил нас в черном вакууме космоса, как погасивший огни корабль во враждебном море. «Что ты делала? Куда ты пропала?» Простые вопросы. Они не изменились за часы, дни и годы. Добавились только другие: «Почему? Почему мы, ты, я?» Вопросы бессмысленные, но они все равно возникают, водка выталкивает их из его сознания. Пара ночных купальщиков проходит мимо, спускается вниз на пляж. Они хихикают, смеются, раздеваясь догола и входя в осторожные волны.

Может быть, ты, Эмма, тоже спустилась к морю, чтобы протрезветь в воде, одна, потеряла ориентиры, поплыла не в ту сторону, а соленая масса воды наполнила твои легкие. Может быть, ты думала, что тебе это снится, что все это только сон и что ты скоро очнешься. Тем временем течение уносило твое тело в открытое море, где ты утонула. В тот вечер в Магалуфе было тепло, 29,8 градуса по Цельсию в 22:25, вода тоже была теплой, 26,2 градуса. Так что, если ты утонула, то ты хотя бы не мерзла. «Было тебе холодно, Эмма? Нет? Ты мерзнешь? Прости». Он часто попадает в эту ловушку, говорит о ней и думает о ней, как о мертвой, в прошедшем времени, как о той, кого больше нет. И тогда ему стыдно и хочется вернуть свои слова обратно.

Время вернуло слова, и самые главные несут в себе его боль. На глазах появляются слезы, нет, так не годится, «куда ты пошла?». Один из баров в Магалуфе, камера наблюдения ловит ее в момент перехода улицы. Ночью полно народа. Ноги у Эммы заплетаются. Другая камера захватила ее по пути в сторону гигантской автомобильной стоянки в нескольких километрах от бара. Она возникает у улицы Calle Galió, а потом исчезает. «Вернулась ли ты обратно, Эмма?» Пошла к морю, где сейчас кричат те двое, что занимаются сексом в воде, волны качают одного на другом.

Тим встает, возвращается на машине домой, включает кондиционер. Тот сначала урчит наподобие холодильника, потом начинает тихо бормотать, как ровный звук авиадвигателя в салоне самолета, где Эмма сидит у прохода и думает, какие все вокруг *fucking douche*³⁵. Откуда взялась вся эта деревенщина? Они же только что закончили гимназию. Один даже дал Софии свой номер телефона, хотел встретиться, «ведь вы же тоже едете в Магалуф?».

Магалуф, Магалуф, Магалуф!

Пентюхи только что хором скандировали это слово.

Они могли быть из Эребру, Сундсвалля, Евле или города Бурленге. Что за места такие. Она не может распознать диалекты, но говорят они явно по-деревенски.

Вдруг ее настрой меняется, она чувствует плечами синюю ткань сидений самолета, шероховатых, как кошачий язык, и в ней просыпается сочувствие к этим ребятам. Они такие же, как мы, никакой разницы нет. Они тоже хотят весело провести время. Побывать хоть немного

³⁵ Противные и отвратительные (пер. с англ.).

happy³⁶. Пить. Попробовать что-то новенькое. Почувствовать, как закружится голова. Потом она думает о том, произойдет ли «это», надо ли, чтобы «это» случилось, ведь «это» обычно и происходит в Магалуфе или в других подобных местах. Но если «это» с ней не произойдет, то ничего. Времени куча.

– Закажем что-нибудь? – спрашивает София со своего места у окна, поправляет свои прямые черные волосы так, чтобы скрыть прыщи на круглых щеках. Она часто забывает это делать, но если кто-то вдруг заметит ее угри, то она просто сходит с ума. Oh, my fucking god³⁷. В какую суку она превращается. Totally out of character³⁸.

Ведь она добрая: Софию удочерили из Китая, из какого-то огромного промышленного города, о котором никто не слыхал. Они подруги, но им совсем не обязательно посылать друг другу сладенькие эмодзи или смайлики. Они могут всерьез посориться и обзывать друг друга сучками. Но главное в Софии – доброта. У нее еще и хороший вкус, она собирается изучать моду в гимназии, а потом поступить в Beckmans³⁹. И она конечно поступит. For sure⁴⁰.

Main bitch⁴¹.

Это про Юлию. Они знают друг друга с детства, дружили все годы, а теперь летят на Мальорку. Ее родителей не надо было даже уговаривать, они где-то на Ривьере, играют в теннис, лакомятся вкусеньким и наверняка рады, что не надо платить еще за одного человека в дорогих ресторанах.

Но Юлии на это плевать. Она мыслит другими категориями.

«Мои родители – это просто мой кошелек», – обычно говорит она.

София изучает меню.

– Белое вино. Сто двадцать девять крон. Черт, как дорого. Это тринадцать евро.

– Мы можем разделить цену на нас троих, – говорит Эмма. – I'm loaded⁴². Еще эти лохи вокруг поют о прелестях секса на лугу за плетнем. И что такое, черт побери, «плетень»?

Му god⁴³, какая скука.

Она нажимает на кнопку вызова стюардессы.

Эти неотесанные мужланы из провинции начали наливать пиво и виски еще в аэропорту, торопились успеть набраться, как будто отпуск будет длиться всего две минуты. Один из них блевал в пакет на борту, но теперь уснул.

Стюардессы идут по проходу. Вряд ли они будут продавать спиртное тем, кто уже набрался до ушей, но нам, может быть, продадут.

Одна из стюардесс останавливается возле них, и Эмма заказывает.

– Белое вино, пожалуйста.

Стюардесса улыбается.

– Спиртное только с восемнадцати лет, – говорит она довольным голосом.

– Нам уже восемнадцать, – шипит Юлия. А София у окна краснеет до ушей. Ужасно стыдно, когда тебе говорят «нет», особенно если этот человек обладает властью. Учитель, например, или кассир в магазинчике Seven-Eleven, где ты пытаешься купить «народное пиво»⁴⁴.

³⁶ Счастливыми (пер. с англ.).

³⁷ О боже (пер. с англ.).

³⁸ Становится на себя не похожа (пер. с англ.).

³⁹ Высшая школа дизайна в Стокгольме (прим. пер.).

⁴⁰ Обязательно (пер. с англ.).

⁴¹ Главная ведьма (пер. с англ.).

⁴² У меня есть бабки (пер. с англ.).

⁴³ О боже (пер. с англ.).

⁴⁴ Folköl, то есть «народным пивом» в Швеции называют пиво крепостью 2,25—3,5 %, которое разрешено продавать в обычных магазинах лицам, достигшим 18 лет.

– Я уверена, что по списку пассажиров вам еще нет восемнадцати, – говорит стюардесса и отходит, а Юлия кричит ей вслед:

– Думаешь, мы никогда не пробовали ничего крепче вина, да? – Девочки обмениваются взглядами, и на какой-то момент в салоне все голоса затихают. Боже, какой позор, все на нас смотрят, думает Эмма. И замечает, что никто не обращает на них внимания, она прислушивается к гулу моторов и думает, что ей не удастся уехать слишком далеко и что Магалуф всего лишь первая остановка на ее долгом пути. Именно так она и думает. О жизни. Что жизнь как дорога. Прямая линия пути, где не существует несчастий и всякой чертовщины. Она понимает банальность такого хода мыслей, но ей нравится так думать. Это подходит шестнадцатилетней девушке.

В самолете есть вай-фай, они летят норвежской авиакомпанией Norwegian. Она посылает СМС папе.

«Спасибо, что отпустил меня».

И одно сообщение маме.

«Спасибо, что ты поддалась на папины уговоры».

Со своего места встает парень постарше, он явно не из группы провинциалов. Высокий, худой, четкий подбородок, симпатичный, *very now*⁴⁵, когда никому не нужны накачанные мачо. Он идет по проходу между креслами, глядя на нее. В руке у него банка пива. Он останавливается рядом с ней, протягивает пиво.

– Я слышал, что вам ничего не продали, – говорит он. – Ты, я имею в виду всех вас, можете взять мое. Оно уже выдохлось, но эффект есть.

Они купили самую большую кровать, на которую хватило денег и места в комнате окнами во двор. Купили за несколько лет до появления Эммы. Они точно знали миг ее зачатия. Это было после обеда у друзей в пригороде Эншеде, после ссоры в такси по пути домой, дурацкой ссоры ни о чем, когда они, наконец, замолчали, смущенные и пьяные, проехав по мосту Сканстуль, и желтый свет фонарей скользил по стеклам машины и их усталым опухшим лицам.

Эмма лежит на кровати. Она спит, ей уже год, она одета в белую ночную рубашку, переходившую из поколения в поколение по линии Ребекки. Хлопок рубашки тонкий, как флер первого облачка перед ненастьем.

Тим ложится в кровать, осторожно придвигается поближе к дочке. Хочет погладить ее покрытую пушком голову, но боится ее разбудить. Его рука такая грубая и такая большая. Больше всего ее лица, линии которого соединяются в такую гармонию красоты, какой ему никогда не понять и не уловить. Она дышит, дрожат розовые сосудики на розовых веках. И он думает обо всем том, что этим глазам предстоит увидеть.

Из кухни доносится осторожный шум. Две кастрюли ударяются друг об друга, металл об металл, вздрагивает уголок рта Эммы, но она не просыпается.

Ребекка чуть неосторожно бросает скальпель в почкообразный лоток, и этот звук удара лезвия о нержавеющей сталь вызывает в памяти звон кастрюль в кухне много лет назад. Возвращает ее в темноту, в воспоминание, как она тогда смотрела в прихожую, на чистый деревянный пол, потом в спальню, где отец и дочь лежали рядом. Взгляд Тима прикован к Эмме, светло-зеленые листья клена машут в окно.

Она смотрит на настенные часы. Ночь. Молодой мужчина на операционном столе, ножевая рана в живот, перфорированная почка, которую надо удалить. Но и с одной почкой он может жить сто лет. Ни сломанных рук, ни проломленного черепа, когда кого-то швыряют в ярости на радиатор.

⁴⁵ В духе времени (*пер. с англ.*).

Ребекка смотрит на глаза других медиков, виднеющиеся поверх зеленых хирургических масок. Глаза уставшие. У анестезиолога очки в модной толстой оправе, он морщит брови, когда в операционной раздается резкий звук удара скальпеля о лоток.

– Sorry⁴⁶.

Она поднимает руку, ей молча вкладывают другой скальпель, ни о чем просить не надо.

Худдинге, Бредэнг или Альбю? Кто знает, из какого он пригорода? Откуда берутся все эти молодые темноволосые ребята с татуировками, накачанными, но беззащитными телами? На этот раз обошлось без огнестрела, без пуль, без прикладов, и в какое-то мгновение ей в голову приходит вопрос почему – почему этого парня пырнули ножом именно в эту ночь?

Кровь течет из раны на спине. Кровь Эммы.

Запах железа и еще живых внутренностей, крови, которая быстро меняет цвет от ярко-алой до темно-бордовой, теряя кислород. Дыхательная маска на лице пациента, от нее – толстый серый шланг к аппарату у стены, и дальше тонкая трубочка для дыхания. Все это соединяется со встроенными в стены и скрытыми за обоями кислородными трубами, которые, как капилляры, пронизывают всю Каролинскую больницу. Главные «легкие», гигантские цистерны с кислородом, закопаны в землю под сотнями других комнат.

– Ребекка, ты как, в порядке? – спрашивает Анна, одна из операционных сестер. Голос Анны возвращает ее обратно, к скальпелю. Он блестит в свете бестеневой лампы, попискивают сигналы кардиостимулятора, пациент дышит ровно, пульс под контролем.

– Я в порядке.

Она входит скальпелем в область поражения разрезанной надвое почки, которую предстоит удалить. Она знает, как это делается, много раз проводила такие операции, некоторые вещи превращаются в привычку. Другие нет.

– Работаем.

«Спасибо, что ты поддалась на папины уговоры».

Давай без этих неожиданностей, Эмма. Не сейчас. Не под руку, дай мне спокойно провести операцию, удалить почку, зашить и прижечь сосуды, дать ему новый шанс разрушить свою или чужую жизнь.

Твердой рукой она осторожно выделяет две артерии и меняет скальпель на электрокоагулятор.

– Надо было выпить два двойных эспрессо перед этим, – говорит анестезиолог охрипшим голосом. – Как чувствовал.

Она не вернется. Эммы больше нет.

Они стоят дома в квартире, Тим и она, кровать за ними пуста, ей хочется прокричать ему эти слова, но она не в состоянии их даже прошептать. Может только молчать. Это молчание, как маска на ее лице, удерживающая слова.

Ссоры перестали быть громкими. Они стали беззвучными. Как сейчас, когда они стоят друг напротив друга в кухне, где они вместе ели, где гремели кастрюли и куда заползли муравьи, пока они были в отпуске на Корфу.

«Ее нет уже больше года, – хочется ей сказать. – Ее больше нет совсем, Тим, тебе пора с этим смириться. Ее забрало себе море», – и он чувствует, что она это думает. Все его существо противится этому, не желает мириться. Ничто в нем больше не думает вместе с ней, как она, не живет так же, как она. У них общая скорбь, но их общее горе их разделяет. Его беда – это совсем другой континент, другой язык. И тут она произносит эти слова, на их языке, продирается сквозь маску молчания, звуки вибрируют в его ушах.

– Она умерла, Тим.

⁴⁶ Извините (*пер. с англ.*).

Глаза, его зеленые глаза того блеклого зеленого цвета, как по краям сухих пальмовых листьев. Чернота, которая всегда гнездилась в его глазах, как бы заглядывая в темноту, лежащую еще дальше, еще темнее. Эта бездна открывается, он поворачивает голову из стороны в сторону, как хищник, лишенный когтей, посаженный в клетку. Он отступает, делает шаг назад, на лице его появляется гримаса. За ней крик.

– Как ты можешь так говорить, черт побери?

Но она не дает его крику проникнуть внутрь и осесть в ней. Она отшвыривает прочь чувство опасности и потребности бежать. Она стоит на своем.

– Если ты завтра уедешь, можешь больше не возвращаться.

«Вот так все и кончается, – думает она, – двадцать три года совместной жизни, девятнадцать лет брака?» Исчез звук его крика, она слышит только его дыхание, и он смотрит на нее. Умоляюще. Но на этот раз – это ее окончательное решение. Она знает, что это ее единственный способ выжить. Он понимает все это, но это не его способ выживания, его способ иной.

– Ты знаешь, что я должен ехать.

Он отступает к стене, прислоняется к белым обоям и медленно опускается на пол. Его длинные ноги в джинсах вытягиваются на каменном полу, и он потерянно смотрит на нее. Она думает, что сейчас начнутся упреки, бешеная ненависть, которую он швырял ей в лицо снова и снова. «Ты не должна была поддаваться моим уговорам, мы не должны были отпускать ее, какими мы были идиотами, надо было слушать меня, почему ты никогда меня не слушаешь?»

«Но я же не хотела, чтобы она ехала, – хочется ей сказать. – Это ты этого хотел. Ты меня уговорил».

Вместо этого она шепчет: «Ее больше нет».

Он уже не протестует.

Закрывает глаза.

Его усталость видно совершенно явно. Новые морщины на лбу, седина на висках, та тяжесть в нем, которой раньше не было. Будто бы земля тянет его вниз к уже выкопанной могиле.

Он снова поднимает глаза на нее.

– Я обещал ей, – говорит он. – Я же обещал.

Он встал, как обычно, следующим утром, не будил ее и поехал на работу в страховое агентство If в пригороде Бергсхамра, дом красного кирпича, где его ждала куча дел для рассмотрения. Кто-то поджег свою машину, утверждая, что причиной было короткое замыкание в электропроводке. Кто-то симулировал хлыстовую травму. Кто-то утверждал, что нечаянно уронил вазу муранского стекла. Кто-то требовал выплаты страхования жизни, несмотря на подозрения, что за этим могло крыться преступление. Тим был страховым следователем. Куда еще было деваться бывшим сотрудникам уголовного розыска или полицейским, которые, как и он, то ли просто устали от всего, то ли мешали кому-то, то ли не сработались с кем-то, то ли ушли сами. Или их уволили. По каким, интересно знать, причинам увольняют полицейских? А зарплата у него стала вдвое выше.

Он был хорошим полицейским. Пока был им. Обладал интуицией. Видел, когда ему врут и какая правда скрывается за ложью. У него было терпение. Ему нравилось быть среди людей в пригородах Стокгольма, быть частью их радостей и бед, злости и неудач. Но чаще всего он чувствовал себя разбитым от того, насколько все было предсказуемым.

Он принес с собой в офис чемодан для ручной клади, чтобы с работы сразу поехать в Арланду и улететь послеобеденным рейсом SAS в Пальму, на Мальорку.

В первую половину дня она паковала его вещи в картонные коробки из подвала. Все, что ему принадлежало. Отвезла коробки на склад в пригород Сольна, арендовала десять квадратных метров, поставила туда все его вещи и поехала дальше в Каролинскую больницу. Переоде-

лась, обработала руки перед операцией и приступила. Оперировала, резала, как обычно, как всегда, как должна была, а почему бы и нет?

Обращения по испанскому телевидению, микрофоны рядами на столе в штаб-квартире Национальной полиции в Пальме, сотня голодных до сенсаций журналистов, один прилетел даже из Нью-Йорка в надежде написать о молодой блондинке, пропавшей в этом «Потерянном раю».

Рядом с ними сидел тогдашний шеф полиции и ответственный следователь Хименес Фортес и пытался навести порядок в хаосе. Тим сидел рядом с ней, хотя ему этого совсем не хотелось. Он присутствовал на пресс-конференции только ради нее и ради Эммы. Его стошнило в туалете, он вышел оттуда совершенно зеленый и выпил в баре напротив полиции целый стакан чистого виски даже безо льда. Потом он четыре часа спал в отеле, а она сидела в лиловом кресле и смотрела на него. Пыталась сосредоточиться на нем, вместо Эммы. Тревога, паника, чувство потери себя самого навсегда, понимание того, насколько все непробиваемо, что за окнами гостиничного номера чистый ад. И он всегда там был. Деревья, горизонт, зеленые горы и коричнево-песочные контуры города – все это было просто-напросто узором рулонной шторы, которую теперь подняли. Она включила телевизор, увидела себя, умоляюще глядящую в камеры, свои волосы, забранные в пучок, белую блузку, застегнутую на все пуговицы, кроме верхней, глаза, в которых застыло отчаяние, услышала свой голос. И Тима, с блуждающим взглядом, теребящего ворот своей синей рубашки.

Это не я на экране. Это не я говорю, что «она была одета в розовую летнюю куртку из «Зары». Она обожала эту куртку. Если кто-нибудь что-то видел, знает, позвоните, пожалуйста, помогите нам, мы хотим забрать домой нашу дочь».

Фотографии Эммы.

Кадры из Магалуфа, где журналистка в красном цветастом платье задает вопрос начальнику полиции.

– Это правда, что полиция затягивает расследование, что вы хотите закрыть дело вообще, потому что исчезновение шведской девушки грозит испортить острову репутацию, а следовательно, и навредить туризму? Что гостиничное лобби оказывает на полицию давление?

– Это совершенно абсурдный вопрос. – Квадратное лицо начальника полиции сморщилось от злости. – Мы найдем девушку, это первоочередное дело.

Прочесывание местности.

Встречи с представителями организации Missing people, разыскивающей пропавших без вести. Переговоры и предложение: не хочет ли шведское отделение начать в Пальме, на Мальорке, сотрудничество со своими испанскими коллегами из аналогичной организации SOS Desaparecido? Газеты писали и об этом, и именно это и было целью Missing people. Всего лишь пиар-ход для привлечения внимания СМИ.

Лица, имена в газетах. И везде, где встречаются лица и фамилии.

На какое-то время она для всех стала «Эммой».

В шведских вечерних газетах «Афтонбладет» и «Экспрессен».

Все знали, некоторые спрашивали, другие помалкивали, все пялились, шептались, когда она заходила на работе в комнату для отдыха выпить кофе, все разговоры затихали.

Но Эмма не вернулась.

Тим не вернулся.

Его вещи лежали на складе, он забрал только одно блюдо. Из Бали, которое они купили в Таиланде. Она упаковала и это блюдо, хотя оно в такой же мере принадлежало ей, как и ему. Но что-то подсказало ей, что оно его.

Она режет и режет скальпелем, вот как сейчас, освобождает последний остаток почки, берет этот теплый умирающий орган в руку и бережно кладет в лоток.

– Все, теперь зашиваем.

Через двадцать минут они заканчивают, на дворе по-прежнему ночь, но она может ехать домой. Кто-то другой заступает на ее место, она разувается, снимает халат. Светает, наступает сладкое и влажное летнее утро, когда слышится шум машин с E4⁴⁷.

Она едет домой.

Паркуется у парка Тегнера. Листва огромных дубов начинает желтеть, скоро налетят ранние осенние ветра, стряхнут на землю одни листья, а другие, закаленные, останутся.

Она поднимается в квартиру.

Он там лежит.

Нет, не Тим, другой мужчина. Андерс, коллега из Южной больницы, с которым она встретилась на каком-то собрании всего лишь через несколько месяцев после того, как Тим остался на Мальорке.

Теперь они вместе.

Мы это мы.

Андерс будто бы ждал ее. Выжидая время. Другая любовь. Его спина в темноте, пылинки, кружащиеся в воздухе, грудная клетка поднимается и опускается. Его открытое лицо, повернутое в сторону так, что ей его не видно. Он late bloomer⁴⁸, борец, получивший диплом врача, когда ему уже было сорок. «Я люблю его, – думает она, глядя на его голую кожу, на контур его ног под тонким летним белым одеялом. – Эмма в ночной рубашке, и, черт тебя побери, Эмма, мне сейчас это нужно».

Он хочет ее ребенка, она хочет родить ему ребенка и не хочет этого. «Это для тебя самый лучший способ пойти дальше, жить дальше», – сказал он. Она тогда хотела его выгнать. Сил не было слушать, как он говорит, будто читает вслух статью из научно-популярного журнала по психологии. Но люди редко понимают, когда им лучше было бы помолчать.

Ей хочется разбудить Андерса. Заниматься с ним любовью. Любить. Попытаться еще раз, а вдруг он прав? Они пытались уже полгода. Он записал ее в клинику на обследование фертильности. Рановато, но ей не хотелось протестовать, и вообще, хотела ли она ребенка?

Ночь накануне окончательного отъезда Тима.

Они тогда много чего наговорили друг другу.

Они пытались. Много раз. Не получилось, она не беременела, но не рассказала об этом Андерсу. Тим, возможно, еще не окончательно решивший уехать, сидел на каменном полу кухни, полулежал, она опустилась рядом.

– Ты нарочно не беременеешь, – сказал он. – Ты принимаешь противозачаточные таблетки или еще что-то делаешь, ты не хочешь еще одного ребенка.

– Что ты сказал?

Чувство собственной неполноценности сменил мгновенно вспыхнувший гнев, растаявший в нереальности. Им хватило бы Эммы, но теперь ее нет, и они снова пытались.

– Ты делаешь все для того, чтобы у нас не получился новый ребенок.

«Новый ребенок».

Как у него вообще язык повернулся выговорить это слово? Это стало для нее оружием нападения.

– Новый ребенок? Вот видишь, значит, ты понимаешь, что Эммы больше нет, она умерла, погибла, смиришься с этим, не надо никуда ехать!

– Ты прекрасно понимаешь, что не об этом речь.

Она медленно встала.

– Ты сам-то хочешь этого ребенка?

⁴⁷ Основная автомобильная трасса Швеции (прим. пер.).

⁴⁸ Поздний цветок (пер. с англ.).

Она оставила его одного на полу кухни и пошла в спальню, смотрела на неубранную постель, и там лежит он, Андерс. А она думает обо всей той лжи, которая появилась с исчезновением Эммы. Ее пропажа повлияла на все и все испортила. Превратила ее в лифт без дверей, который едет вверх и вниз одновременно в доме с бесконечным числом этажей. В лифте нет зеркал. Только кнопки для открывания дверей, которые не работают. Потому что нет никаких дверей, которые можно было бы открыть.

Вся ее личность свелась к одному – чувству вины.

Тоска по дочери, которой не дано перейти в скорбь. Горе, которое растет у нее внутри и подминает под себя все остальное.

Она хотела, чтобы он сдался.

Она не хотела потерять и его тоже.

Но она хотела, чтобы он продолжал поиски.

Этот чужой мужчина в кровати, где спала маленькая Эмма, как я могла позволить ему там лежать? Ей хочется выброситься в окно, и дальше, через перила балкона, на асфальт двора.

«Я не хочу быть одна, – думает она. – Неужели это так ужасно?»

Тим в кровати, Эмма в белой ночной рубашке – эта картина хранится в самой глубине ее печали. «Иди, – шепчет она всем существом, – не переставай искать, Тим». И она продолжает свой полет в ночи, как пылинка, вытолкнутая в воздух собственным дыханием, и он протягивает во сне руку в сторону вентилятора, или он уже проснулся. Мозги собрались в кучку, таблетка, которую он принял, когда вернулся домой, выведена из организма, он проснулся. Он слышит вращение лопастей вентилятора. Ощущает насквозь пропитанную потом простыню. Его мучает жажда, он тянется к бутылке воды на полу и пьет.

Смотрит в телефон.

Никаких сообщений.

Никаких звонков.

Он спал почти два часа. Могло быть хуже. Нет смысла даже пытаться снова заснуть. Он одевается. Натягивает пару застиранных зеленых чинос и еще более застиранную черную майку, короткие носки для тренировок и подходящие для дальних походов кроссовки.

Осторожно закрывает за собой дверь. А то эхо от стука двери раздастся по всему дому, а ему не хочется будить детей в семье Адаме.

Он ведет машину по приморской дороге Marítime, где еще открыты клубы, а возле «Опиума» стоит группа парней и пытается уговорить вахтеров впустить их, в то же время стайка девушек-подростков проходит без очереди, и никто их не задерживает.

Путь выводит его на автостраду, на холмах в сторону моря среди зелени теснятся дома. Над поселком Genova статуя Мадонны смотрит на людские деяния, и Тим жмет на газ. Наступает самое опасное время суток на дорогах Мальорки, когда за рулем полно пьяных и обкуренных, но пока еще машин немного. Он сворачивает в сторону Calvià и дальше едет по змеящемуся асфальту, окруженному пальмами и цветущими деревьями жакаранды, которые образовали над дорогой арку из ветвей, покрытых тысячами цветов всех оттенков синего и голубого. Дорога ведет вверх, вглубь острова, где отступают низкие горы. Ландшафт открывается долиной шириной в километр, усыпанной домиками цвета охры, а отель Son Claret окружен полями и каменными стенами. Вдали за полями снова поднимаются горы, будто плечи спящего великана. А выше рассветное небо, полное погасших звезд, еще сомневается в начале дня.

Он ведет машину в горы так далеко, насколько позволяет дорога. Паркуется и выходит в утреннюю дымку, бродит бесцельно, видит сверху гостиницу, превратившуюся в миниатюру. В деревне зажигаются огни, чтобы гаснуть в такт с победой восхода. Он бродит, плетется, выкрикивает ее имя в самое сердце нового дня.

Эмма, Эмма, Эмма.

Собаки брешут где-то вдали. Орут петухи. Серые оттенки зари меняются на другие цвета: зеленый – травы, научившейся выживать без воды, но чаще это оттенки медного, пигменты охры, пожухлых листьев. Это иссохшее место, жаждущее влаги, где сгорбившиеся от жары пинии цепляются за каменистые утесы.

Эмма, Эмма.

Выстрел ружья раннего охотника. Снова лай собак. Еще дальше на этот раз.

Он подходит к обрыву, откуда сквозь расщелину в скалах виднеется море. Поверхность воды прячется под вуалью утренней дымки.

У него нет колебаний или вопросов к самому себе о том, что он здесь делает, еще на одном уступе, еще на одной горе.

Он садится.

Чувствует, как болят ноги, соображает, что ходил гораздо дольше и дальше, чем думал, медленно осматривает долину наискосок, туда и обратно, еще и еще раз.

Встает.

Идет.

Эмма.

Зовет ее снова и снова. Но имя ее поглощает лай голодных перед завтраком собак.

Ему удастся украсть себе еще полчаса сна, перед тем как спуститься в бар Las Cruces. На часах девять, и ему пора ехать прямо в офис, но это подождет. Ему необходимо встряхнуть организм при помощи кофе, и Рамон ставит перед ним на стойку бара двойной кортадо, втягивает свой большой живот, подтягивает коричневые шорты повыше на бледно-желтую рубашку, вытюженную супругой до гладкости детского лобика.

Тим взбирается на табурет у стойки, утреннее солнце сюда еще не добралось, но черная обивка из искусственной кожи уже нагрелась. Рамон не включает кондиционер до одиннадцати, когда настоящая жара в баре становится невыносимой. Электричество – это деньги, а денег у Рамона немного. Но он владелец бара Las Cruces, а это намного круче всего, чем владеет большинство живущих в этом квартале. И хоть он и не прочь поплакаться, все равно любит свое «царство», Тим это знает.

Кафель на стенах бара разных цветов. Рамон и Ванесса ремонтировали одну стену за другой целых двадцать лет подряд. Капризы моды и перемены вкусов отразились на плитке из обожженного фарфора с глазурью. Коричневые тона переходят в бежевые, потом превращаются в медальоны цвета меди на голубом фоне, а дальше, за стойкой, – белые плитки с золотыми каемками. Это был всплеск мании величия у Рамона в 2007-м, за год до финансового кризиса.

«Я думал, что мне удастся сделать бар популярным», – говорил он.

Вращаются лопасти машины для дробления льда, а рядом в большом сосуде охлажденная орчáта. На стене, рядом с деревянной полкой, на которой по ранжиру выстроились бокалы, висит портрет тореадора, погибшего на арене боя быков в пятидесятые, он был выходцем из той же горной деревушки, что и Рамон.

Телевизор, висящий над рюмками, выключен. Сегодня у Рамона нет сил смотреть новости, а футбольный сезон еще не наступил. Команды «Реал Мадрид», «Барселона», «Малага», но ни в коем случае не «Севилья». Рамон терпеть не может этот футбольный клуб, который ненавидят все такие же, как и он, выходцы из Андалузии.

Тим здороваются с остальными.

– Qué tal?⁴⁹

– Bien. Y tú?⁵⁰

⁴⁹ Как дела? (пер. с исп.)

⁵⁰ Хорошо. А твой? (пер. с исп.)

– Cansado. Normal⁵¹.

Так общаются обитатели этого «царства».

Это алкоголики, которые принимают свою первую рюмку «анисовки» за столом у окна, выходящего на улицу Calle General Ricardo Ortega. Это женщина, работающая медсестрой у дантиста в клинике Puerto Portal, куда она каждый день ездит автобусом. Она, как обычно, ест энсаймада, обмакивая ее в кофе, которое делается густым от сахара. Это старики за круглым столом посреди бара, будто выпеченные в одной форме. Широкие брюки из синтетики, белые гавайские рубашки, с волосами, если они еще обладают таковыми, начесанными на лысину. Масло для волос удерживает их на месте. Все они выросли на острове, теперь на пенсии. Они прожили в этом квартале всю свою взрослую жизнь, но все-таки не смотрят на Тима как на непрошеного гостя. Он никому не мешает, никого не трогает, и они оставляют его в покое, радуясь, что чужак – это он, а не они.

Несколько парней из Венесуэлы, в возрасте примерно лет тридцати пяти, пьют пиво. Наверное, у них на стройке перерыв. Обычно же они тянут из себя жилы по двенадцать часов в сутки при этой жаре на опасных для жизни стройках.

Местная дурочка Марта сидит в уголке рядом с поломанным «одноруким бандитом»⁵². Она, как обычно, раскрасила щеки в ярко-розовый цвет и сильно обвела глаза. У нее синдром Туретта, и она время от времени громко и нецензурно ругается, а потом снова возвращается к чтению газеты или начинает свои бесконечные разглагольствования обо всем на свете, начиная с цен на апельсины на рынке Mercado Olivar до теорий борьбы с коррупцией в Partido Popular⁵³, на что Марта, престарелая дочь фашиста, очень надеется. Ее отец был офицером старой закалки из Guardia Civil⁵⁴, и его застрелили во время ограбления банка на площади Испании, связанного с ЭТА⁵⁵.

– Террор, – вопила как-то Марта. – Трахать этих чертовых исламистов во все дырки. А то они скоро и сюда придут. Они уже здесь!

Дешевый одеколон пенсионеров щекочет нос, а от запаха пригоревшего сыра на теплых бутербродах Тим почувствовал голод, но есть ему некогда.

Он выпивает кофе, кладет евро на прилавок и выходит из бара. Рамон кричит ему вслед hasta luego⁵⁶, что Тим и повторяет в ответ. Он опаздывает. Идет к машине, которую ему удалось припарковать на улице Calle de Fuencarral, когда он вернулся с гор. Только он хотел вставить ключ в замок дверцы авто, как увидел ее, Милену. Не ту, о которой поется в песне, но все равно тебе хочется, чтобы она была твоей. Она встряхивает свои темные волнистые волосы, раскрывает объятия, кричит его имя и... пройдет немало времени, пока он, наконец, появится на работе.

– Мы успеем, – говорит Милена.

Он тоже хочет успеть, поэтому они успевают.

⁵¹ Устал. Нормально (*пер. с исп.*).

⁵² Слот-машина, игровой автомат, дающий шанс выиграть сумму, во много раз большую, чем размер ставки (*прим. пер.*).

⁵³ Partido Popular, или Народная партия – оппозиционная политическая партия в Испании правоцентристского толка. Одна из самых крупных в Европе (*прим. пер.*).

⁵⁴ Гражданская гвардия Испании – полицейское военизированное формирование в подчинении Министерства внутренних дел Испании (*прим. пер.*).

⁵⁵ Бывшая баскская леворадикальная националистическая организация сепаратистов, выступавшая за независимость Страны Басков – региона, расположенного на севере Испании и юго-западе Франции. Существовала с 1959 по 2018 год (*прим. пер.*).

⁵⁶ Увидимся, пока (*пер. с исп.*).

Она возвращалась домой с работы. Он должен был знать, что она пройдет здесь. Возможно, он именно потому и оставил машину в этом месте. Стриптиз-клуб, где она работает, закрывается в девять утра.

Он поднимается за ней в квартиру. Ей ни о чем не приходится его просить, он смотрит на диван в гостиной, пока возится с ее лифчиком, никак не может научиться расстегивать застежку. Ее теплая кожа под кончиками его пальцев. Ее влажные губы. Ему хочется своим языком почувствовать ее язык. Наконец ему удается справиться с застежкой, она возится с его ремнем от бежевых чинос. Только теперь он замечает, что выбрал бежевые брюки, а зеленые выбросил в стирку после ночной прогулки. Серый льняной пиджак висит на кресле в спальне Милены возле ее трюмо, значит, пиджак он тоже передел. Он видит себя в зеркале, быстро отворачивается, целует ее плечи, дышит ей в ухо и проводит языком по ее шее. Ей нравится, когда он так ласкает ее.

Ее грудь на его груди, мягкая на твердой, он прижимает ее к себе, она шепчет что-то неразборчиво. Они опускаются на кровать, медленно, вместе. Он фантазирует, что на ее месте Ребекка, хотя они совершенно не похожи. Милена аргентинка, ей уже за сорок, на ее тело не действуют законы гравитации, но прожитые годы заметны вокруг глаз. Ее жизнь, полная самопожертвования. Иногда в ее глазах появляется жесткость, и тогда они из карих становятся почти черными, словно демонстрируя, что она слишком много знает о том, что это такое, уметь постоять за себя.

Она стаскивает с него майку, расстегивает брюки, снимает трусики, поднимает юбку и садится на него. Быстро и жестко, глубоко с первой секунды. Она торопится так, будто это последнее утро перед концом света или просто понимает, что ему пора идти.

Что времени мало.

*Follame, cariño*⁵⁷.

Она и вправду говорит именно это? Он видит снизу ее подбородок, ноздри, она движется, как бы в такт с запахами комнаты, еды, оставленной вчера на плите, чтобы остыла. Может быть, это гора *vieja*⁵⁸, от которой веет перцем чили, кориандром и почти прогорклым жиром.

Утром она хочет секса именно так, оседлать его, скакать на нем, как на усталом коне, она использует его таким способом. А он гладит ее по щеке, знает, что ей это приятно.

– Скажи, что ты меня любишь, Тим, – просит она, и да, конечно, он может это сказать, он говорил это и раньше.

– Я люблю тебя, – говорит он.

Он будто бы и в комнате, но не весь, целиком, а только часть его. А когда она двигается над ним и он движется в ее теплом лоне, то тогда он исчезает целиком. Если таблетки размыивают на части его мозг, то секс разрывает на части его душу.

Она смотрит сверху на него, как бы убеждаясь, что он все еще с ней, ускоряет темп, издает звук, и он понимает, что делает то же самое. Длинный медленный стон их обоих, древний первобытный стон. Они прекращают стонать вместе, но каждый сам по себе, и у него возникает вопрос, о чем она думает, о ком.

– Спасибо тебе за ложь. Мне это нужно.

– Кого ты видишь на моем месте?

– Никого. Ты никто, Тим, мне не надо притворяться.

– И все-таки я кто-то.

Она гладит его по лбу, улыбается.

– О'кей, ты – все те любовники, которых я попросила уйти, а потом пожалела об этом.

⁵⁷ Возьми меня, дорогой (*пер. с исп.*).

⁵⁸ *Ropa vieja* – «старая одежда» – мясное блюдо, рагу со свиной и гарниром из овощей (*прим. пер.*).

Она ставит перед ним тарелку сваренной со свиным жиром черной фасоли. Она не заботится о том, чтобы запахнуть розовый махровый халат, и он не может оторвать от нее взгляд, попутно запихивая в себя еду. Она улыбается, ей, похоже, нравится, как он на нее смотрит, как и ему нравится ее взгляд на него.

У Милены двое сыновей, Лео, восемнадцать, и Марио, двадцать один. Марио уже в Англии, в «Кембридже», и Лео в следующем году пойдет туда же, в подготовительный интернат. Неясно, где он в это утро. Милена в жизни бы не допустила, чтобы он летом работал. Кто отец мальчиков, Тим не знает, но слухи ходят, что он профессор технической физики из университета в Мадриде, дворянского рода, влюбившийся в нее во время учебы в Буэнос-Айресе.

Кем бы ни был папа мальчиков, ясно, что он никогда не брал на себя никакой ответственности за них, даже экономической. Так утверждает Милена, и он ей верит. «Я не хочу иметь ничего общего с этим козлом», – сказала она однажды, и мальчиков тоже вроде не особенно интересует этот вопрос. Тима они считают чем-то вроде курьеза. Раз маме хорошо и весело в его присутствии, они его терпят. Они вместе праздновали Рождественский день, ели козлятину, запеченную в духовке, «совсем как у бабушки в Сальте, когда я была маленькой», и запах мяса, как запах немытого мужского члена, наполнил квартиру. Они опьянели все четверо в тот вечер. Лео вырвало в туалете, и наутро Милена сердилась на Тима. «Как ты мог напоить моего мальчика до такого состояния?»

«Он и сам прекрасно с этим справился, без моей помощи», – хотел сказать Тим. Но вместо этого сказал лишь: «Ничего с ним не случится».

Она делала вид, что сердится на него, но в конце концов поцеловала в щеку.

Он ест бобы. Сладкий лук придает особый вкус жиру, бобы тают во рту.

– Вкусно, да?

Он кивает.

Ей, кажется, ничего больше от него не нужно, кроме этих моментов, да ему и нечего ей дать. Уж конечно у нее больше денег, чем у него. Стриптизерша, массажистка, эскортница. Здесь, в Пальме, долго жила ее мама и присматривала за мальчиками, пока Милена зарабатывала деньги на их образование. Мама вернулась в Буэнос-Айрес, но Милену совсем туда не тянет. «Там ничего для меня нет, кроме прошлого».

Скоро ее сыновья вылетят из маминого гнезда. «Тогда я найду себе богатого немецкого старикашку», – сказала она однажды то ли в шутку, то ли всерьез. И Тиму нет дела до того, какую пустоту в ее существовании он пока заполняет. Она быстро найдет своего немца, и тогда все это кончится.

Милена говорила, что один из профессоров, обманывавших раковых пациентов, выманивая у них деньги на мифическое лекарство, обычно приходил в Globo Rojo, клуб, где она работает. «Дружелюбный, мухи не обидит. Оставляет много чаевых, так что я довольна. Во всяком случае, он не свинья-мачо, как многие другие».

Она массирует ему плечи. Он чувствует затвердевшие мышцы, пора, пожалуй, показаться китайке. Прикосновения Милены проникают глубоко под кожу, когда он доедает последние бобы.

– Venga⁵⁹. Тебе пора идти, – говорит она. – Мне нужно успеть выспаться.

– Некоторые частенько опаздывают на работу.

Голова Аны Мартинес высовывается из-за плексигласа, отделяющего ее место на ресепшен. Ее волосы цвета ржавчины безжизненно свисают на кардиган горчичного цвета, а очки сползли на кончик длинного тонкого носа. Звонит телефон, и у нее больше не остается времени, чтобы язвить на его счет.

⁵⁹ Давай (пер. с исп.).

Он бросает ей на стол контракт с зубным врачом и идет дальше в помещения бюро Хайдеггера, где галогеновые лампы на потолке распространяют мертвый свет.

С верхнего, семнадцатого этажа здания вид на город должен быть потрясающим, достойным лексикона эксклюзивного маклера или брошюры для туристов. Но здесь, внизу, из окон виден только асфальт, машины и потрепанные магазинчики на улицах Las Avenidas и Calle General Riera.

В офисе холодно, всего девятнадцать градусов, каждый день, круглый год. Шеф, он же и владелец, не экономит на кондиционерах, считает, что мозги лучше работают, когда человек мерзнет. Дилан Вильсон, бывший солдат Особой воздушной службы САС и агент МИ5. В свои шестьдесят лет он намного лучше натренирован, чем большинство двадцатилетних. В начале своей карьеры он проработал три года на Свальбарде. «Я познал самого себя в этом холоде», – обычно говорит он, а еще: «Там я возненавидел темноту».

Тим сильно сомневается в правдивости рассказов Вильсона об опыте его работы как в спецподразделении САС, так и в контрразведке МИ5. У него такое ощущение, что Дилан Вильсон совершенно не тот, за кого себя выдает. Что его служба в элитных частях и разведке – чистая ложь, но Тим подыгрывает ему в этом вранье.

Вильсон появляется из своего кабинета, выходящего окнами во двор, единственной комнаты, где не вянут уши от грохота машин с авеню.

– Мистер Бланк. Чему обязаны такой честью? – с иронией произносит он.

– Я проспал.

Дилан Вильсон – бритоголовый качок с плечами такой ширины, что ни один портной не в состоянии сшить костюм, который сидел бы на нем хоть мало-мальски пристойно. Он давно это понял, и поэтому ходит в свитерах из тонкого кашемира высшего качества, независимо от температуры и времени года. Ему хочется одеваться в свободно-элегантном стиле, выглядеть человеком светским, бесстрашным, но Тим видит его насквозь. На самом деле Вильсон постоянно настороже, как интернатский ребенок, как продавец шин, который все время боится, что кто-нибудь стащит его резину.

– Ты был вчера на открытии? – спрашивает он Тима.

– Я раздал как минимум сотню визиток.

Вильсон снова исчезает в своем кабинете.

– У меня через десять минут, – говорит он, захлопывая дверь.

Тим идет к большой комнате, где сидят Симона, Хавьер и Хайнрих. Серые стены из гипса отделяют это помещение от конференц-зала, на одной из стен висит вставленный в раму плакат. Увеличенное фото одной из бухт Мальорки. Вода между скалами доведена фотошопом до такого нюанса бирюзы, который существует только в цифровом мире, а рыбки не отбрасывают теней на песчаное дно.

Симона поднимает голову. Приветственно кивает. Такой могла бы стать Эмма в двадцать пять лет. Четкая линия подбородка, нос чуть коротковат, что создает более широкое расстояние до верхней губы. Светлые волосы спадают на ключицы, которые заметно выпирают под кожей.

Симона – хороший друг. Он помогал ей, привинчивал полки в квартире, повесил тяжелый шкафчик в ванной, а она наладила ему интернет и вай-фай.

Она запахивает худи, хочет, кажется, что-то сказать, но возвращается к своим занятиям.

Симона из тех сотрудников, о которых любое бюро расследований может только мечтать. Компьютерный гений, который может найти что угодно и где угодно. Дайте ей только подключение к интернету, монитор и клавиатуру. Она приехала на Мальорку шестнадцатилетней, сбежав из Штутгарта, «автомобильного ада». «Мне надоели родители», так она говорила,

а возможно, были и другие причины, но здесь *no questions asked*⁶⁰. Она влюбилась в марокканского «лорда гашиша», который умудрился дать взятку не тому полицейскому, а потом не дать взятки судье, потому и сел на одиннадцать лет в тюрьму у кольцевой дороги. Говорят, что в тюремных камерах можно учуять запах фритюрного масла из ресторанов, где готовят закуски в стиле тапас, и даже услышать голоса из уличных кафе. Симона навещает своего марокканца, Хассана Абделлаха, три раза в неделю, и после каждого визита выглядит все более и более усталой. Но она лояльна, ведь он помог ей, когда она приехала на остров и ночевала на парковой скамейке. Дал ей денег на еду и комнату в хостеле, ничего не требуя взамен.

Два других детектива сидят за своими письменными столами, и Тим рассеянно им машет.

Он – единственный в бюро Хайдеггера, у кого есть отдельный кабинет, с дверью, которую можно закрыть. Это потому, что он берет на себя задания вроде вчерашнего с датчанином, и Вильсон это ценит. Он уважает насилие как один из способов проявления человеческой сущности, возможно, именно потому, что сам его проявляет.

Комната Тима маленькая. Письменный стол, два стула, стационарный компьютер и окошко, куда прилетают поклевать голуби.

Тим опускается на стул, считает минуты, тяжело дышит, чувствует, как от усталости напрягаются мышцы, мысли теряют четкость, его кожи снова касаются руки Милены, между зубами застряла кожура бобов.

Две тысячи пятьсот евро в месяц. Бесплатное пользование машиной и банковский счет на расходы. Ему нужны деньги, давно уже ни копейки не поступает на сайт фонда go-fund-me для оплаты проекта «FIND EMME: The missing Swedish girl»⁶¹.

Вильсон не приглашает Тима сесть.

– Я не думаю, что с датчанином возникнут проблемы, а ты?

– Нет, дело закончено. Яхта принадлежит стоматологу, датчанин все подписал.

– Ему было больно?

Это я скажу, только если ты пригласишь меня сесть.

– Зубы у него целы?

– Об этом сам его спрашивай.

Взгляд Дилана Вильсона темнеет. Ему хочется послушать кровавую историю с мордобоем, он хочет, чтобы его развлекли, считает, что имеет на это право. Но Тиму не хочется его развлекать. Слабые воспоминания о притоке адреналина да боли в руке, когда он вмазал кулаком по черепушке датчанина, принадлежат только ему и больше никому.

Кабинет Вильсона – отдельный анклав. Как Сеута⁶² или Андорра. Он купил бюро Хайдеггера десять лет назад у какого-то австрийца и сохранил всю мебель в комнате, которая стала его личным кабинетом. Стиль интерьера лучше всего можно описать словами «современный Ближний Восток». Так может выглядеть гостиная в Катаре или в Эр-Рияде, где крик моды – это сочетание золота и дерева, напоминающего янтарь. Фарфоровый леопард на комод, покрытом черным лаком и с инкрустациями из поддельных драгоценных камней, диван блестящей темно-коричневой кожи притиснут к стене. На торцовой стене висит бархатный гобелен: нимфа восседает в римской колеснице, запряженной зебрами.

– У меня для тебя новое дело, – говорит Вильсон. – Немец. Богач. Он скоро сюда пожелует. Не хотел говорить по телефону, о чем идет речь.

– Когда он обещал приехать?

– Уже должен быть здесь.

⁶⁰ Не задают вопросов (*пер. с англ.*).

⁶¹ Найдите Эмму: пропавшую шведскую девушку (*пер. с англ.*).

⁶² Небольшой полуанклав Испании на северном побережье Африки, прямо напротив Гибралтара (*прим. пер.*).

Звонок телефона на письменном столе, Вильсон отвечает. Следует разговор на свободном немецком. Вильсон кладет трубку.

– Он сюда не успевает. Торопится к самолету и хочет, чтобы ты приехал на его виллу в Андрайч».

Send me more nudes, matte liquid lipstick⁶³.

Сорок пять американских долларов.

Naked is a sandy beige⁶⁴.

Bare is a nude pinky beige⁶⁵.

«Кайли Косметикс», ограниченная серия, учебник какой-то «ютуберши» из Лос-Анджелеса, дочери какой-то женщины, которая на пятнадцать минут засветилась в какие-то доисторические времена в сериале «Спасатели Малибу».

Эмма пришла к нему с этой рекламой, когда он смотрел новости. Динозавр на диване, который до сих пор смотрит телевизор и изучает программу передач. Она принесла компьютер и показала на экран, где тикали часы сайта, – оставалось пять минут до выпуска новой косметики фирмы Кайли Дженнер. Помада. Не похоже на обычную Эмму, но против этой помады она не могла устоять.

– Можно я закажу?

Бомба взрывается в Алеппо, землетрясение в Венесуэле, изнасилование в Индии, массовый расстрел в Китае, выполненный в теплых красных и серых тонах.

– Дорогая помада.

Она садится, придвигается поближе.

– Мне бы подошел оттенок «Коммандо», мне кажется.

– Ты хороша в чем угодно.

– Так можно заказать, да?

Он видел, как она пробовала разные цвета перед зеркалом в своей комнате. Лампы на раме зеркала давали такой сильный свет, что он видел каждую пору ее лица. Она надувала губки, они приобретали какой-то странный цвет, росли в зеркале, она намазывала их оттенком «нюд», который был совсем не похож на обещанный рекламой песочный, скорее коричнево-розовый, светлый оттенок, который странным образом сделал контур ее подбородка четче. Этот цвет был точно таким, как ворота и нижняя часть стены, окружающей дом номер 12 по улице Calle Castanyer на окраине Андрайча.

Сказать это немцу? Что его забор выкрашен в оттенок «нюд, песчаный беж».

Нож воспоминания вонзается чуть ниже сердца.

Никогда не попадает прямо в сердце.

Медленно-медленно стискивают аорту холодные пальцы судьбы, стена съеживается до размера губ в зеркале.

Тим нажимает кнопку домофона рядом с воротами из частых железных прутьев. Видны пучки кабеля, наполовину вмурованные в белую штукатурку каменного забора. Камера мигает, и он становится так, чтобы его было видно. Лицо видно четко, хотя картинка расплывается. Это он, этот острый нос принадлежит ему, но это все же чужой человек, как будто бы морщины под потухшими глазами становятся иллюзией.

⁶³ Пришлите мне еще нюдовой, матовой жидкой помады (*пер. с англ.*).

⁶⁴ Гольй – это песочно-бежевый (*пер. с англ.*).

⁶⁵ Обнаженный – это нюдовый розовый беж (*пер. с англ.*).

– Ты красивый, – сказала Милена, когда они впервые вместе пили коктейль после знакомства в очереди к иммиграционному офису. – Похож на француза, героя какого-то вычурного фильма про полицию. Мне этого достаточно.

Она помолчала.

– Пока ты не начнешь меня бить.

Он стоит на солнцепеке и совсем не чувствует себя как Венсан Кассель. Жара вдавливают его в асфальт. Он ждет ответа и жалеет, что не оставил пиджак в машине. Улица узкая, как вырезанная из отвесных скал. По обе стороны дороги каменные заборы.

Спрятанные богатства. Защищенные богатства. Осколки разбитых стекол по верхам барьеров между имущими и неимущими. Камеры, сигнализация, электроизгороди, охрана. Русские деньги, гангстерские деньги, законные деньги, черные, белые деньги, нигерийские нефтяные деньги, саудовские и катарские, британские деньги, китайские и немецкие в том числе. Даже таблички с названиями улиц в этой части города написаны на немецком. А внизу, в маленькой лодочной гавани, в кафе подают к обеду клецки и традиционное немецкое блюдо заузэрбротен. В октябре проводится Октоберфест, на который привозят пиво из Баварии.

Никакого ответа на звонок. Вместо этого раздается жужжащий звук, ворота едут вверх, и Тим спускается по белой мраморной лестнице к вилле, где открыта дверь. Фасад простирается на пятнадцать метров в каждую сторону, здание похоже на эдакий модернистский кубик сахара-рафинада, раздробляемый темными окнами от пола до крыши.

– Заходите, – слышится голос на английском с акцентом, и Тим входит в холл. Высота до потолка почти десять метров. Прямо перед ним окна, в которые, кажется, втекает море именно такого цвета, как на афише, что висит у них в офисе. Для некоторых такой оттенок существует и в реальности.

Ни в чем люди не похожи.

Как будто он этого не знает.

На белых стенах висят яркие картины художников, которых Тим хоть и слабо, но все-таки знает. Ребекка обычно таскала его по галереям и в Музей современного искусства в Стокгольме, так что вот это большое полотно с папой и мамой, держащей в объятиях сына, точно принадлежит кисти Нео Рауха.

Немец входит через арку, ведущую в гостиную с большими белоснежными диванами и кушеткой, обтянутой светло-розовым бархатом.

– Как хорошо, что вы смогли приехать так быстро, – говорит он и протягивает руку: – Петер Кант.

– Мы стараемся предлагать хорошее обслуживание.

Тим слышит самого себя, произносящего эти слова, и видит улыбку Петера Канта, не издевательскую, а жалостливую, значит, и Кант знает, кто он такой и почему он здесь, на острове.

Либо все это мне просто мерещится.

Петер Кант пожимает ему руку твердо, решительно, и Тим только теперь замечает, что он ниже его ростом, крупный, но не жирный. Голова покрыта коротко подстриженными седыми волосами без малейшего намека на возрастное облысение. Он выглядит, как моложавая копия Джорджо Армани, более грубая и менее элегантная версия в возрасте шестидесяти лет.

Он приглашает Тима в гостиную, и Тим изучающе смотрит на его черные джинсы с золотыми пуговицами, белую рубашку с красными швами, замшевые лоферы от «Гуччи» с красно-зеленой прострочкой ранта, а в саду дождеватель разбрызгивает воду на газоне, создавая эффект перевернутого дождя с зеленого неба. Несмотря на засуху, несмотря на нехватку воды, несмотря на то, что весь остров умирает от жажды.

Вода выключается, и море становится видно еще лучше. По скалам на другой стороне бухты карабкаются огромные виллы. Природа вокруг них приручена, но не слишком. Там

можно лечь в шезлонг у бассейна, выложенного плитками под батик с Гоа, почувствовать себя огромной кошкой типа рыси, которая охотится на все, кроме мышей и крыс.

Петер Кант приглашает его сесть, и Тим глубоко проваливается в мягкое кресло. Немец исчезает, Тим слышит звук кофемашины и думает, есть ли у немца прислуга, вряд ли, полагает он, наверное, немец живет совсем один. На стене висит большой стилизованный портрет игрока в бейсбол, а рядом в аккуратный ряд выстроились несколько надписанных бейсбольных бит.

Петер Кант возвращается с двумя чашками.

– По тебе было видно, что ты хочешь двойной, – говорит он.

Тим улыбается, кивает, и Петер Кант протягивает ему чашку, до краев наполненную черной жидкостью.

– Ты любишь бейсбол, – произносит Тим.

– Я был студентом по обмену в США много лет назад. В Бостоне. «Ред Сокс» выступали в тот год очень здорово, и я втянулся. Слежу за соревнованиями по ТВ. Чтобы расслабиться. На портрете Уэйд Богз. Две биты его, другие три подписаны Манни Раминесом.

Эти имена ни о чем не говорили Тиму.

– Хотел бы я интересоваться спортом, – говорит он.

– Это прямо-таки благословение, – отвечает Петер Кант. – Этажом ниже в саду есть бассейн, – продолжает он. – Я обычно там плаваю. Бассейн отделан черным кафелем, не голубым, как обычно. Получается, что плаваешь в бездонной пропасти, особенно в темноте. Мне всегда хотелось иметь черный бассейн, я знал это, еще когда переехал сюда, – добавляет он.

Немец снова его оставляет, исчезает еще в какой-то комнате, беззвучно на этот раз, и Тим начинает понимать, насколько в доме тихо, возможно, благодаря бронированным стеклам в оконных рамах.

Петер Кант возвращается, кладет перед Тимом на стеклянный стол белый конверт с маркой и штампом Пальмы.

– Открой, – велит он. – Читай.

Тим осторожно берет конверт и вытаскивает письмо. Петер Кант стоит и смотрит, пока Тим читает слова, написанные черными чернилами.

У твоей жены есть другой.

Друг позвонил и сказал эти слова. Какой-то знакомый его знакомого видел Ребекку в ресторане с мужчиной. Они держались за руки, тянулись друг к другу и целовались, «как подростки». Так сказал знакомый приятеля, пожелавший остаться анонимным, но на него можно полагаться, так что нет никаких причин для сомнений. Тим был тогда занят одним из первых своих дел, фотографировал неверного мужа, который шел со своей любовницей по набережной в El Molinar, держась за руки. Там же проходила какая-то демонстрация против расширения гавани, пятьдесят человек с плакатами выкрикивали протестные лозунги, требовали запретить стройку, которая была вся коррумпирована. Точно так же, как, по их словам, было коррумпировано строительство стадиона, велодрома, конгресс-центра и тюрьмы.

Тим бросил камеру на пассажирское сиденье и вышел из машины.

– Что ты несешь, елки-палки? Кто этот мужик?

– Я не знаю.

– И на фига ты мне это рассказываешь?

– Ты кричишь.

Тим огляделся и увидел, что демонстранты замолчали и смотрят на него. Он отошел от них подальше, к забору, отгораживающему ветхое здание клуба Club Náutico, промокшего под холодным дождем в это январское утро.

Он положил трубку и позвонил Ребекке, но она не отвечала. Он отправил сообщение. Десять штук. «Что это я слышу?» «Как ты могла?» И еще подобные.

Она позвонила.

– Мы развелись. Ты что, не понял?

– Еще не развелись. Только подали заявление. Срок не истек.

– Какая разница.

– Кто он?

Она рассказала, рассказала, что это началось вскоре после того, как он уехал, за два месяца до того, как они подали бумаги на развод, что это, черт подери, ее личное дело, с кем она хочет быть, он больше не имеет права ни на какое мнение на этот счет.

– Ты его любишь?

– И это тоже тебя больше не касается.

– Скажи, что ты его любишь.

– Тим, ты что, не понимаешь больше шведского языка?

– Вы пытаетесь завести ребенка, я понял. – Он швырнул в нее эти обжигающие слова, где каждый слог был капелькой серной кислоты. – У тебя будет ребенок от этого проклятого клоуна. Кто он, черт возьми?

– Ты закончил?

– Я все сказал.

Опять пошел дождь, пока он стоял с телефоном в руке возле железного забора, низкие серые тучи ползли над его головой, холодные капли текли по щекам. Он вышел на велосипедную дорожку, чуть не попал под колеса, успел отскочить в последнюю секунду, подумал, что бы сказала Эмма – вот об этом, о том, что он стоит под дождем, потрепанный, мокрый и одинокий, занимаясь самым грязным из всех ремесел.

Он поехал к Милене. Разбудил ее. Они сначала молча посидели на краю кровати. Потом занимались любовью. Долго и бесшумно поначалу, потом все яростнее и громче, и она не просила у него признания в любви.

Как человек может измениться на глазах.

Тим смотрит на Петера Канта, сидящего по другую сторону стола. Они сидят в столовой. Тим держит письмо в руке, он спросил, знает ли Кант, кто мог послать ему это письмо.

– Не имею ни малейшего представления. Но это должно быть правдой, иначе какой смысл посылать мне такое письмо?

На темной столешнице перед Тимом лежит фотография жены Канта. Наташа, светловолосая полька с ясными зелеными глазами и скулами, будто созданными для того, чтобы их осторожно гладили. Наверняка была моделью в своей предыдущей жизни, как минимум лет на двадцать пять моложе Петера Канта, но не так чтобы совсем юная.

Петер Кант видит, как именно Тим смотрит на фото, анализирует, и тогда-то он и начинает меняться: от уверенного в себе мужчины к растерянному, к такому, который знает, что никакие деньги в мире не в состоянии удержать женщину, если она твердо решила уйти. От успешного мужчины, у которого было больше удач в жизни, чем можно пожелать, к тому, до которого, кажется, начинает доходить, что он заграбастал больше, чем может удержать. И все дело в такой банальности, как любовь к женщине намного моложе себя.

– Это не то, что ты думаешь, – вмешивается он в мысли Тима. – Мы любим друг друга.

Вы все это говорите. Все пожилые мужчины, которым изменяют молодые жены. И неважно почему. Это происходит на Мальорке каждый день. Молодые женщины, которым надоели подстегнутые виагрой половые акты, надоели животы с запорами, мозги и тела, которые нуждаются в отдыхе скорее, чем в тусовках, обвисшая кожа на предплечьях вместо креп-

ких и мускулистых рук. И в конечном счете их ничто уже не может удержать, никакие брачные контракты. Они и уходят, убегают в то, что будет остатком их жизни.

– Я тебе верю, – заверяет Тим и переворачивает снимок. – Вы любите друг друга.

Взгляд Петера Канта становится жестче.

– Ты что-нибудь замечал? Может быть, она вела себя иначе в последнее время? Слишком много времени у телефона или ее не было дома в необычные часы? Или она вдруг регулярно стала посещать врача, салон красоты или еще что-нибудь подобное?

Петер Кант качает головой:

– Нет.

В саду снова заработала поливалка. Тим оборачивается, и Кант, кажется, замечает некоторое недовольство в его взгляде, когда они снова смотрят друг на друга.

– Это же просто вода.

– Которой и так не хватает.

– Тебе есть до этого дело, до этой воды?

– Мне нравится делать вид, что меня беспокоит хорошее дело.

Это правда. Тиму наплевать, поливает немец свои газоны или нет, но высокомерие богачей по-прежнему пробуждает в нем нечто, и ему это нравится. Это нечто – чувство принадлежности к коллективу, к реальности, которой все люди вместе стараются дать определение.

Петер Кант моргает, и глаза его наполняются желанием быть честным. Расчетливая такая правдивость. Делец собирается играть открытыми картами, потому что это идет на пользу делу.

– Я специально попросил, чтобы послали тебя, – признается он. – Я знаю историю про твою дочь. Я знаю, что это такое, я знаю, что это значит, потерять ребенка.

Он говорит об Эмме как о мертвой, Тим близок к тому, чтобы броситься на него через стол, бить его башкой о столешницу. Ударить одной из бейсбольных бит, но что-то его удерживает, он хочет знать, что скажет немец.

– Не сердись только.

– Говори, пока я не передумал.

– Моя дочь умерла от рака, – выговаривает он. – Ей было двенадцать, опухоль мозга.

– Мои соболезнования.

– Она умерла у меня на руках, – продолжает Петер Кант. – Это отдалило нас друг от друга, мою жену и меня. Как по-разному мы пытались справиться с горем. Я начал пить и несколько лет пил слишком много.

– Такое легко случается, – комментирует Тим.

– Теперь ты знаешь, что я тебя понимаю.

– Думаешь?

– Я читал про тебя, – продолжает Петер Кант. – Ты не один такой.

Я один. И она не умерла, как твоя дочь, думает Тим.

– Как ее звали? – спрашивает Тим.

– Сабина.

Когда он произносит имя дочери, с ним снова происходит перемена. Петер Кант выглядит более старым и усталым, в его взгляде грусть. Скорбь не только об умершей дочери, но и фундаментальное разочарование в жизни. Но есть в нем и желание сопротивляться. «Я отказываюсь соглашаться на меньшее, чем хотя бы мгновение счастья», – говорит его взгляд.

Затем они произносят все те слова, которые полагается произносить. Специально для того, чтобы не говорить о том, что встало между ними, чтобы постараться не понимать и не чувствовать того, что произошло. Потому что, если они это вдруг поймут, то им больше не останется ничего, кроме дыхательного рефлекса, которому придется подчиняться до тех пор, пока тело не откажется дышать.

Дождеватель опять остановился, трава блестит от полива.

– Я сегодня улетаю в Берлин, – говорит Петер Кант. – Меня не будет неделю. Вот и последи за ней, посмотри, чем она занимается.

Тим напоминает тариф фирмы, на всякий случай. Семьдесят евро в час, сотня за работу с восьми вечера до девяти утра, плюс текущие расходы.

Петер Кант кивает.

– Я перевел сегодня некоторую сумму на ваш счет. Она покрывает с лихвой неделю твоей работы.

– Где Наташа сейчас?

– Занимается йогой.

Тим проверяет свой мобильник и размышляет попутно о том, что ему надо знать о бизнесе Петера Канта. На самом деле ничего, ему нужно просто следить за Наташей, смотреть, чем она занимается, документировать, если есть что, а потом положить доказательства на стол прокурору, присяжным и судье Канту.

– Что-нибудь еще мне нужно знать? – спрашивает Тим. – О чем ты мне не сказал? О вас, о чем угодно?

– Нет.

Быстрый ответ, немножко слишком быстрый, но никогда не знаешь, это что-то означает или нет.

– Мой самолет улетаает через полтора часа, мне пора выезжать. Мы закончили?

– Пока да, – отвечает Тим и встает. Он выходит тем же путем, что и пришел, садится в машину, сдает назад по улице и паркуется так, чтобы ему были видны все, кто приходит в дом или уходит из этого дома, ворота которого окрашены в цвет косметики и где торчит наполовину замурованный кабель, ведущий к мерцающей камере наблюдения.

Ворота не открываются, они уходят вниз, в землю. Цвет «наготы» прячется, губы в зеркале исчезают, гроб опускается в могилу, он хочет открыть дверь, вдохнуть воздуха, опустить солнцезащиту и достать фото Эммы, но останавливается, передумав.

Красный «Порше 911» с опущенным верхом выезжает со двора, проезжает мимо него, и Петер Кант машет ему рукой, будто бы все было не более чем шуткой и он прекрасно знает, что будет. Или он настолько наивен, до такой степени уверен, что достоин любви, что любовь не посмеют отобрать у такого, как он. А на самом деле Петер Кант уже все знает и проходит через следующий этап трансформации, чтобы быть готовым к столкновению с чужими людьми в аэропорту, так пусть уж начинает с меня, с нового вынужденного знакомого, консультанта.

Ворота снова поднимаются из земли.

Эмма встает из своей могилы.

В два часа живот начинает болеть от голода, а бутылка с водой, которая всегда лежит на заднем сиденье, опустела. В салоне невыносимая жара. Он выключил мотор после часа сидения, опасаясь, что кто-нибудь заметит машину и позвонит в полицию.

Он выходит. Идет к незастроенному участку и мочится под пинией. Если ждать достаточно долго, то всегда чего-нибудь дождешься. Задержись, и тебе явится истина. Это может занять годы, десятилетия, но в конце концов ты сможешь продвинуться дальше. Нерешенных загадок очень мало.

Стрелки часов приближаются к трем, когда к дому подъезжает черный «Лексус», и ворота снова опускаются под землю. Стекла в машине тонированные, но Тим все-таки различает две фигуры на сиденьях, мужчина, женщина, разглядеть невозможно. Он берет камеру и делает несколько быстрых снимков.

Машина въезжает на территорию виллы, и ворота становятся самими собой, губы снова видны в зеркале, кисточка размазывает по ним помаду, Эмма улыбается, смотрит на него в зеркало, встречается с ним взглядом.

– Ты теперь счастлива, или? – спрашивает он.

– Ну это же только помада, – отвечает она.

Живот сводит судорогой. Лучше подождать и не лезть сейчас через стену, утыканную осколками стекла, надо дать им время приступить к тому, чем они собираются заниматься.

Стукачество. Он знаком с тем, как в криминальных кругах поступают с доносчиками. В стокгольмском пригороде Ринкебю он видел восемнадцатилетнего парня с дыркой от пули во лбу и вырезанным языком. Его нашли в мусорном контейнере две восьмилетние девчушки, искавшие выброшенные игрушки.

Шпионить, следить. Кондиционер снова включен, но ему все равно кажется, что тело нагрелось и как бы покрыто маслом, как после массажа в дешевом салоне. Он смотрит на пальмы в саду вокруг дома Петера Канта, края зеленых листьев стали коричневыми и кажутся в солнечном свете острыми, как заточенные лезвия.

Тим берет камеру с заднего сиденья, выходит из машины, достает из багажника жесткую подстилку и идет к дому. Солнце палит уже не так сильно, но зной все еще ощутим, и он старается подавить приступ чихания, вызванный быстрым переходом от холода к теплу.

Он останавливается у ворот, осматривается, хватается за верхний край стены, старательно избегая осколков стекла, которые ему видны. Подтягивается. Земля за стеной круто уходит вниз рядом с мраморной лестницей и въездом в гараж к кустам и огромному кактусу с колючками в десять сантиметров длиной. Край стены густо утыкан осколками. Он спрыгивает обратно, набрасывает на стену подстилку и снова подтягивается наверх. Переползает стену, чувствуя под собой стекла, спрыгивает, ему удается удержать себя в вертикальном положении, когда тело скользит по склону, и приземляется на ноги. Перетаскивает к себе жесткую подстилку и идет к дому, вдоль стены, вниз по лестнице, окруженной выложенными там и сям каменными плитами и цветущими белыми розами.

Черный бассейн.

Пропасть, о которой говорил Кант.

Бассейн и на самом деле кажется бездонным. Вокруг стоят шезлонги из нержавеющей стали с мягкими светло-лиловыми матрасами и подушками-сидушками.

Темная комната с черными диванами за высокими стеклянными дверями, прямо напротив вездесущего моря. И небо, которому мешает встретиться с морем четкая белая линия горизонта, которая, кажется, умышленно держит разделенными землю и воздух.

И здесь картины на стенах. Серия из четырех портретов Мерилин Монро в разных оттенках зеленого работы Энди Уорхола. Слева лестница, ведущая на второй этаж, где они сидели с Петером Кантом.

Тим колеблется. Подняться по лестнице в гостиную? Или пройти мимо бассейна. Там открыта дверь в сад, и он догадывается, что она ведет в супружескую спальню и там, вероятно, что-то происходит между Наташей и тем, с кем она приехала, если это была она. Но она и ее спутник вполне могут быть и наверху, в кухне, делать салат, поджаривать кусок лосося.

Он ничего не знает о Петере Канте. О Наташе, об их жизни. Ему надо быть настороже, но он и так всегда начеку.

Петер Кант.

Его сдержанное отчаяние. Переменчивость, взмах рукой.

Этот дом заполнен произведениями искусства, которые стоят миллионы, его машина, все его имущество. Его одежда и обувь, которые сам он наверняка считал «приглушенным»

стилем, на самом деле были типичными для немцев – обитателей этого района и явно демонстрировали наличие денег.

Тим быстро идет вдоль бассейна. Никакого смысла прятаться. Невозможно пробраться с одной стороны бассейна на другую так, чтобы тебя не заметили, если вдруг кто-то появится в комнате с черными диванами.

Он приближается к открытой двери.

Слышит звуки.

Стукач.

Ему придется это сделать, он уже слышит. Осторожно подходит к двери, заглядывает и видит их. Двоих, занимающихся любовью. Спина женщины в нескольких метрах от него, Наташа Кант, должно быть, это она, верхом на молодом мускулистом мужчине. Они оба стонут, но во всем акте присутствует какая-то сдержанность, настороженность. Он вынимает камеру, фотографирует их на белой простыне, в белой комнате, на белой кровати, над которой Петер Кант повесил белые *монохромные* картины.

Это Наташа?

Она движется быстрее, стонет громче, соскальзывает с мужчины, поворачивается, и Тим пугается, что она его увидит, но замечает, что он инстинктивно сдвинулся назад и попал в «слепой угол» за гардиной. Он их видит, а они его нет.

Она еще красивее, чем на фото. Светлые волосы блестят, лицо приобрело еще более четкие контуры, но стало мягче. В ее чертах нет никакого диссонанса. Только гармония. Мужчина садится. У него именно такое лицо, какие нравятся женщинам, похож на Райана Гослинга, подбородок, рот и брови – три горизонтальные линии, а нос – четкая вертикаль. Рыжеватые волосы зачесаны назад, коротко выстрижены над ушами. Наташа становится на четвереньки, и он входит в нее сзади. Начинает толчки медленно и мягко, потом быстрее, жестче.

Он закрывает глаза, кажется, что думает о чем-то постороннем, или, напротив, присутствует в полной мере, так, как никогда и ни с кем ему не удавалось, кроме как с Ребеккой, и нет надежды, что получится с кем-нибудь другим.

Потом они оба ложатся на бок, и лицо Наташи видно совершенно отчетливо.

Тим фотографирует, приостанавливается и вдруг видит в ней Эмму, кончик носа задран чуть наверх, и это вызывает в нем ощущение, будто он стоит перед душой в свободном полете, смотрит на человека, который чего-то хочет от своей жизни. Человека, который не ждет, а действует, может уловить случай, который ему предоставляется. Но Наташа пассивна и, скорее, разрешает акту произойти с ней, чем управляет им. А он не на все сто уверен, невинна Эмма или нет, не хочет думать об этом, никогда, черт побери эту клятую работу, но я вынужден, мне нужны эти гребаные деньги, и это еще лучшее из того, что предлагают. Он отворачивается, а когда смотрит опять, то больше не видит Эмму. Только Наташу.

Я могу идти.

У меня есть все, что необходимо.

Все для того, чтобы предать двух любящих.

Я могу оставить их в покое, и пусть занимаются любовью дальше.

Но он остается.

Он всегда был немножко вуайерист, он перестал фотографировать и просто смотрит, ждет эффекта. Хочет знать, повлияет ли это на него, почувствует ли он возбуждение, но ничего не происходит. И тогда он понимает, что ему хочется подглядывать только за Ребеккой. Когда она принимает душ, загорает гольшом на заднем дворе дома, который они снимали в архипелаге. И она знала, что он на нее смотрит, ей нравилось, что он такой домашний вуайерист, любительский эксгибиционист. Они об этом иногда шутили, когда допивали вторую бутылку вина в пятницу после обеда, после блюд «такос», после цыпленка в духовке или что еще можно считать наградой после рабочей недели.

Они закончили там, в комнате.

Тим знает, что должен уходить, что его заметят, если один из этих двоих в комнате сделает несколько шагов к двери и выйдет в сад. Вдруг кому-то из них захочется прыгнуть в бассейн «после того». Но любовник исчезает в доме, Наташа лежит и смотрит прямо перед собой, на море, и Тиму кажется, что она видит его, чего-то от него хочет, умоляет его. Будто ей нужна его помощь. Но он понимает, что на самом деле это Эмма на него смотрит, умоляя.

Любовник возвращается.

Они начинают все сначала.

Тим Бланк стоит, смотрит, хочет уйти и не может. Он хочет снова поймать взгляд Наташи, умоляющий взгляд. Эту ее мольбу он хочет увидеть опять.

Он видит их вместе последующие пять дней. Вечерами и ночами. До обеда, после обеда. Снимает сотни фотографий. Как они едят омаров в ресторане. Как они занимаются любовью в машине на площадке панорамного обзора. Как они загорают нагишом на пляже нудистов в Portal Vells, всего в паре метров от террасы El Magos terrass, и ему даже не приходится прятаться. Он просто делает вид, что фотографирует причалившую яхту с тремя жирными русскими, которые стоят на корме и смотрят на берег в бинокль.

Ее потная кожа в масле для загара, когда они идут купаться, ее рука на груди любовника.

Он фотографирует их, когда они входят в дом, где живет любовник, маленький красного цвета таунхаус в El Terreno, втиснутый между большим белым домом и старым автосервисом, переделанным в столярную мастерскую. Тим вдыхает запах свежей стружки, когда он фотографирует руку любовника на бедре Наташи, как тот подбирается под юбку ее белого платья с воланами. Он подумывает, не забраться ли ему на самый верх дома, на террасу, а оттуда в сад, который точно есть на другой стороне, но у него уже достаточно их фотографий.

Он снимает их, когда они идут, держась за руки, вдоль Paseo del Bornе, когда они покупают одежду в бутике района La Lonja, и ему кажется, что она знает продавщицу, блондинку с ястребиным носом и внимательными глазами. Тим удивляется, что Наташа осмеливается показываться с ним так открыто. Ведь у них должны же быть друзья, которые могут увидеть их вместе, или супруги Кант такие же одинокие, как и многие другие на острове? А может, им так и не посчастливилось познакомиться с другими людьми в этом вечном колесе удачи, где крутятся интриги и жулики.

Он снимает их, когда они в сумерках купаются голыми в бездонном бассейне и в левом углу фотографии черная крона пальмы бережно склоняется к поверхности воды. Он никогда больше не снимает их во время секса.

Он ждет прихода почтальона у почтового ящика возле дома любовника. Вытаскивает конверты. Они адресованы Гордону Шелли, то же самое имя, что и на других двух конвертах. Англичанин, значит. Как футбольный вратарь с амбициями поэта. Как настоящий соблазнитель.

Он звонит Симоне, просит узнать все что можно о Гордоне Шелли, проживающем по адресу Calle Josep Villalonga, 13, в El Terreno.

Тим ждет в машине, его мучают жажда и голод. Он бродит по ночам в горах, но всего пару раз, и ему стыдно. Стыдно своей усталости, своей лени. Он избегает встреч с Миленой, они поговорили несколько раз по телефону, но она не попросила его прийти, должно быть, услышала по его тону, что он не хочет. Или она не хочет.

Он не появляется в офисе, шлет Вильсону эсэмэски о сверхурочной работе. Вильсон отвечает, что он может уделить этому делу столько времени, сколько понадобится. Значит, прибавится количество часов в счетах-фактурах, и Вильсону не придется возвращать ни единого сентимо от аванса Петера Канта.

Приходит мейл от Симоны.

Гордону Шелли тридцать четыре года. Прописан в Испании по адресу в El Terreno. Он снимает дом у майоркинца, которому принадлежат пятьдесят квартир в Пальме.

У Гордона Шелли есть работа не на полную ставку. Он занимается яхтой, которая стоит в Клубе Náutico, а владелец яхты – британский трейдер из Лондонского отделения банка «Дойче Банк».

Она завершает мейл вопросом.

«Копать дальше или этого хватит? На данный момент?»

Это дело о супружеской измене.

Ясное, как день.

«Абсолютно достаточно. Спасибо».

Он не видел их ни на какой яхте. Может быть, Гордон Шелли четко разграничивает свою работу и личную жизнь. Последние фотографии он делает, когда они снова занимаются любовью в белой спальне. Наташа вся уходит в себя, хотела бы, чтобы акт продолжался вечно. Он смотрит на них, как смотрел все эти пять дней, и думает, любовь ли это, или нечто иное, что регистрируют его глаза. Некоторые люди притворяются просто виртуозно, мастерски. Они как фата-моргана, как миражи в пустыне. Мечты в белой комнате.

Милена.

Скажи, что ты меня любишь. Очарование лжи.

Я не мастер, не виртуоз, и он оставляет тех двоих в покое.

Ребекка могла дышать ночью, спиной к его спине.

Эмма лежала рядом в своей кроватке с перегородками и спала. На дворе могли быть холода, но Ребекка упрямо открывала окно, потому что тогда Эмма спала спокойнее, и богатый кислородом воздух зимней ночи полезен для детских легких. И он мерз, хотел закрыть окно, шептал ей на ухо, что ее аргументы антинаучны и что это она сама любит холод. Она заставляла его замолчать своими холодными пальцами, пробежавшими по его спине, они шептались потихоньку, чтобы не разбудить девочку, не нарушить ее сон, ее сны своими взрослыми занятиями, своими желаниями. И не было в спальне никакого одиночества, только семья, которая создавалась вновь и вновь, когда они лежали близко друг другу почти в морозном воздухе. Эмма дышала короткими сильными толчками, но спокойно. Она лежала на спине с вытянутыми над головой руками, ладонки открыты к космосу, ему хотелось быть к ней поближе, почувствовать рядом. Ребекка встала в ту же секунду, когда в нем сформировалось это желание, подняла Эмму и положила между ними. И он смотрел в темноту и думал, может ли человек действительно быть таким счастливым.

Наташа была не единственной женщиной Гордона Шелли. Два последних дня перед возвращением Петера Канта в Пальму Тим следит за Шелли и тогда, когда с ним нет Наташи. Фотографирует его, когда тот метет палубу на огромной яхте трейдера. И то, как он драит палубу, не похоже, что он делает это только для видимости.

Тим пытается убедить себя, что он снимает англичанина, чтобы показать Петеру Канту, чем занимается любовник его жены, как он выглядит, может быть, даже для того, чтобы понять, как к нему подобраться, если бы Кант захотел отомстить. Но все это одни отговорки.

Часы в машине. На жестких стульях, в местах, где Тим прячется, в неудобном положении, затылочные мышцы напряжены, узлы в них твердеют, ухудшаются. Все это – только бегство от себя. И он это знает.

Гордон Шелли сидит за ланчем в итальянском ресторане у пляжа в Puerto Portals с восьмидесятилетней дамой, волосы которой выкрашены в голубой цвет. Они сидят за угловым столиком. Пайетки на платье женщины блестят даже в тени, лицо после подтяжки, щеки тянутся кверху, как и ее силиконовый бюст, рот застыл в неподвижной гримасе. Они едят треску под

соусом таргар и макароны с мидиями-сердцевидками, которые сначала проскальзывают в рот женщины, а потом она привычно, уголком рта, выплевывает пустые высосанные ракушки. После ланча они гуляют вдоль пристани и стоящих в гавани яхт, женщина кивает в их сторону, будто суда производят на нее впечатление. Гордон Шелли выглядит равнодушным, целенаправленно шагает к машине, как будто опасаясь, что его могут увидеть.

Они едут домой к женщине. Во всяком случае, Тим исходит из этого предположения, что она живет в доме с апартаментами в пяти минутах ходьбы, в одном из высоких домов, стоящих между автострадой и гаванью. Гордон Шелли выходит оттуда через сорок пять минут. Только что из душа.

Он ужинает с полной женщиной арабской внешности в отеле Son Vida, и они исчезают в номере. Он играет в боулинг с другой женщиной в зале для игр района Son Moix. Потом они занимаются сексом на заднем сиденье джипа «Рендж Ровер» с немецким регистрационным номером, принадлежащего этой женщине, на парковке за фирменным магазином спортсменов «Декатлон». До этого Тим сфотографировал крупным планом обручальное кольцо этой женщины в момент игры в боулинг, когда она вставила пальцы в шар.

Утром восьмого дня Тим едет в офис. На автостраде Las Avenidas произошло ДТП. На пожилую женщину наехал рефрижератор, и все движение встало.

Он сидит в машине, водит пальцами по телефону и видит фото Эммы. Ему хочется позвонить Ребекке, но не следовало бы. Ему нечего ей сказать. Им нечего сказать друг другу. Он заходит так далеко, что даже набирает ее номер, нависая пальцем в сантиметре от кнопки вызова.

Позвонить ей, Эмма?

Он не получает ответа от своей без вести пропавшей дочери. Иногда ему кажется, что она шепчет что-то ему в ответ на вопросы, которые он задает. Но ему так только кажется, усталый мозг выдает желаемое за действительное, спрашивает.

Он включает радио. Отыскивает музыкальный канал с классикой восьмидесятых годов. Выключает, как только начинают крутить «Smokin' in the boy's room» в исполнении «Мотли Крю». Он переключает радио на новости. Двое полицейских арестованы в Calvià. Они подбросили кокаин в бар и вымогали у владельца деньги. Пришли в бар, взяли кофе, сходили в туалет и ушли. Вернулись через четверть часа с собакой, натренированной на поиск наркотиков, и нашли 200-граммовый пакет кокаина. Совершенно достаточно, чтобы владелец лишился права на продажу спиртного, а возможно, и загремел в тюрьму. Они показали кокаин владельцу.

– Теперь ты знаешь, на что мы способны, – сказал один.

– Тысячу евро в неделю, – добавил второй полицейский.

Тим слышит потрескивание, сильные от табака голоса.

Это звуки записанного фильма.

В кафе-баре недавно установили камеру безопасности, которая и вела запись. Владелец сделал то, на что мало кто решается, и написал заявление. Бог знает, что с ним будет дальше. А вот полицейским в тюрьме придется туго, это точно. Во всех тюрьмах зэки больше всего ненавидят бывших полицейских. Они будут ходить враскорячку, с фонарями вокруг глаз и черными отеками в области почек.

В лучшем случае.

Им могут выколоть глаза. Вспороть животы заточенной ручкой зубной щетки. На мгновение в памяти Тима проявляется картина случившегося, того, что вынудило его уйти из полиции. Но он не дает ей оформиться, стать четкой. Не сейчас.

Наконец началось движение, и через пять минут он уже стоит в арктическом холоде ресепшен детективного бюро «Хайдеггер» и зовет Симону.

– Малыш Тимми! Какие люди, – кричит она. – Буду через минутку.

– Конференц-зал.

Вильсона нет на месте. А то шум выманил бы его из кабинета. Наверное, он и Ана Мартинец в банке. Или у ревизора. Тим повышает температуру в комнате для собраний до двадцати четырех градусов, и воздух быстро нагревается. Он садится. Металлические подлокотники кресла белой кожи холодят руки.

Симона появляется через десять минут. Не извиняется за задержку.

– Как здесь тепло и уютно.

– Улучшенный вариант преисподней, – парирует Тим.

Симона улыбается и садится. На ней белое до шиколоток платье. Оно ей идет, как и красный цвет на только что покрашенных ногтях. Сегодня наверняка день передач в тюрьме.

– Чего тебе? – спрашивает она.

Он отдает ей камеру, ждет, пока она смотрит на фотографии Гордона Шелли с другими женщинами.

– Это любовник жены Петера Канта, – поясняет он. – Шелли.

– Он, что ли, в эскорте работает?

– Похоже на то. Ты что-то раскопала про него?

– Так далеко порыться не успела. Его наверняка можно найти на сайтах турагентств, хотя и под другим именем. Типа Ленни, Чили или Рон, или какие еще имена бывают у мужчин этой профессии.

– Сможешь глянуть?

– Да, сделаю.

Симона разглаживает платье.

– Тут стало уже слишком тепло. А жена немца платит ему за секс?

– У меня нет такого чувства, – говорит Тим. – Совсем нет. Наоборот. Она такая красивая, что две трети населения Пальмы с удовольствием бы с ней переспали. Нет, похоже, что тут настоящее.

Он думает о том, как он впервые увидел их, занимающихся сексом в вилле района Андрайч. Как он наблюдал за ними в раскрытую дверь: Наташу, с ее мольбой в глазах, адресованной в никуда. И взгляд Гордона Шелли, колеблющийся, отсутствующий. Может, он и был куплен на какой-то момент, но после этого эти двое выглядели влюбленными друг в друга.

Симона встает.

– Продажным шлюхам тоже нужна любовь, – говорит она.

Лицо Петера Канта бледнее, чем было неделю назад, а морщины на лбу проступили отчетливее. Но все равно он не выглядит стариком, скорее как очень усталый человек.

– Что ты нашел? Я понимаю, что есть что-то.

Петер Кант ставит локти на стеклянный стол, нажимает, и Тиму на какую-то секунду кажется, что стекло сейчас треснет, порежет немцу кожу и шрамы останутся на всю жизнь.

Он поворачивает свой ноутбук экраном к Канту, он перенес туда все фотографии, отредактировал их по смыслу в папку, которую назвал «Кант», больше ничего. Он не включил туда фото Шелли с другими женщинами. Не надо перебарщивать. Болит шея, когда он делает резкое движение, резкая боль отдается в руку, и начинаются покалывания в кончиках пальцев.

– Ты готов?

Но Кант совсем не готов, у него нервно дергается веко.

Тим встает, снимает пиджак, вешает его на спинку стула.

– Хочешь кофе, прежде чем мы начнем?

– До такой степени все плохо?

Тим видит, что ошибся. Нет в лице Петера Канта ни нервозности, ни грусти, никакой злости. Скорее это похоже на то, будто бы он ждет плохой новости от налогового инспектора.

– Кофе?

– Нет, спасибо.

Такой человек, как Петер Кант, не нуждается в словах. Ему нужны картинки, настоящие доказательства, как цифры годового отчета. И Тим нажимает на клавишу, показывая первый снимок, черный «Лексус», который подъезжает к вилле в Андрайче, второй из сада возле бассейна. Он ничего не говорит, и Петер Кант смотрит с интересом, нетерпеливо. Тим выжидает, следующее фото – просто взрыв бомбы. Петер Кант не знает, что это будет, хотя и догадывается.

Щелчок, и следующий снимок.

Фото, на котором Гордон Шелли берет Наташу сзади на белой постели, в кровати Петера Канта, в доме Петера Канта, и Кант еще сильнее вдавливая локти в стеклянный стол, но столешница выдерживает, а он откидывается назад, переплетает пальцы за затылком, фыркает.

– Черт, черт, – и затем: – Кто он?

Еще фотографии.

Когда они идут рука об руку, когда они входят в дом любовника в El Terreno. Когда они занимаются любовью во второй и в третий раз в постели.

– Хватит, – говорит Петер Кант и выглядит еще бледнее, косится на корзину для бумаг у двери, и Тим замечает, что тот борется с тошнотой, он надеется, что его не вырвет прямо на стол. Такое случалось с мужьями неверных жен и прежде, и Ана Мартинес считает, что это не входит в ее обязанности, вытирать блевотину обманутых супругов, пусть каждый детектив сам убирает за своим клиентом.

Канту удалось сдержать тошноту. У него дергается бровь, и кажется, что он постарел на десять лет буквально за несколько секунд. Такую цену приходится платить за переоценку своей жизни, за знание о том, о чем человек, быть может, не хочет знать, и его мысли, наверное, быстро сменяют друг друга.

Что мне теперь делать? Что сказать ей, и какие будут последствия? Бросит ли она меня, хочет ли она этого? Может быть, избить ее? Вышвырнуть на улицу? Развестись, что там говорится в брачном контракте, о, черт, надо было составить контракт. И каким будет одиночество, пустая кровать, когда я мысленно протягиваю к тебе руку и вижу тебя рядом с другим мужчиной, моложе и красивее? Как ты могла, в нашей кровати, которую мы покупали вместе? Почему тебе не хватало меня?

– Кто он такой?

Тим рассказывает, что знает, но опускает информацию о работе в эскорте, о других женщинах. Симона все еще ищет фотографии Шелли на сайтах, предлагающих эскортные услуги, но Тим не расскажет об этом, даже если она что-то найдет. Это не входит в его задачу. Та информация, за которую Петер Кант платит, – это ответ на простой вопрос. Изменяет мне моя жена или нет? Он получил данные о Гордоне Шелли, его адрес. Если Петеру Канту дать избыточную информацию, это может привести к еще большему шторму в его душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.